

ГАСТОН
ЛЕРУ

Призрак Оперы

АЗБУКА-КЛАССИКА

Азбука-классика

Гастон Леру
Призрак Оперы

«Азбука-Аттикус»

1910

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

Леру Г.

Призрак Оперы / Г. Леру — «Азбука-Аттикус», 1910 — (Азбука-классика)

ISBN 978-5-389-17233-3

Знаменитый роман «Призрак Оперы» принадлежит Гастону Леру — классика детективного и мистического романа. На протяжении XX века роман не раз экранизировался, по его мотивам Эндрю Ллойд Вебер создал нашумевший мюзикл.

УДК 821.133.1
ББК 84(4Фра)-44

ISBN 978-5-389-17233-3

© Леру Г., 1910
© Азбука-Аттикус, 1910

Содержание

Предисловие,	6
I. Призрак?	9
II. Новая Маргарита	15
III. Глава, в которой господа Дебьен и Полиньи впервые сообщают по секрету новым директорам Оперы Арману Моншармену и Фирмену Ришару истинную и таинственную причину своего ухода из Национальной академии музыки	21
IV. Ложа № 5	25
V. Ложа № 5	30
VI. Волшебная скрипка	34
VII. Посещение ложи	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Гастон Леру

Призрак Оперы

© Д. Мудролюбова, перевод, 2000

© Г. Соловьева, комментарии, 2000

© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“», 2011

® Издательство АЗБУКА

* * *

*Моему старшему брату Дэжо, который, не будучи призраком, был
тем не менее, как и Эрик, Ангелом Музыки*

Предисловие, в котором автор этого загадочного произведения рассказывает читателю о том, как он убедился в существовании Призрака Оперы

Призрак Оперы существовал на самом деле. Это вовсе не было воображением артистов, суеверием директоров или нелепым созданием возбужденного воображения девиц из кордебалета, их матушек, билетерш, гардеробщиц и консьержки, как считалось долгое время.

Да, он существовал, как человек из плоти и крови, хотя и принявший вид настоящего призрака, то есть тени.

С того самого дня, как я начал наводить справки в архивах Национальной академии музыки, меня поразило удивительное совпадение явлений, связанных с *Призраком Оперы*, и событий самой загадочной, самой фантастичной драмы, и довольно скоро мне пришла мысль, что эти события и эти явления самым естественным образом дополняют и объясняют друг друга. Всего лишь три десятка лет отделяют нас от тех таинственных событий, и даже сейчас в самом фойе балета можно встретить почтенных стариков, чьи слова нельзя поставить под сомнение, которые помнят – как будто речь идет о вчерашнем дне – непонятные и трагические обстоятельства похищения Кристины Даэ, исчезновения виконта де Шаньи и смерти его старшего брата графа Филиппа, чье тело было найдено на берегу озера, скрытого в подземельях Оперы со стороны от улицы Скриба! Однако до сих пор ни одному из этих очевидцев не приходило в голову связать с этими ужасными событиями овеванный мистическими легендами образ Призрака Оперы.

Истина долго проникала в мое сознание, смущенное расследованием, которое то и дело натывалось на события, казавшиеся на первый взгляд сверхъестественными, и я не раз собирался забросить это изнуряющее преследование неясного, неуловимого образа. Наконец появились первые доказательства, что предчувствия меня не обманули, и усилия мои были вознаграждены, когда я убедился, что Призрак Оперы – нечто большее, чем бесплотная тень.

В тот день я много часов провел над «Воспоминаниями директора Оперы», весьма поверхностного произведения этого скептика Моншармена, который за время своей службы в Опере так ничего и не понял в загадочных поступках Призрака и, как мог, насмеялся над ним, хотя в то время сам был первой жертвой странной финансовой операции, связанной с «магическим конвертом».

Разочаровавшись, я уже выходил из библиотеки, как вдруг увидел добрейшего администратора нашей Национальной академии, о чем-то болтавшего на лестничной площадке с бойким и кокетливым старичком, которому он весело меня представил. Господин администратор был в курсе моих изысканий и знал, с каким пылом и сколь безуспешно я пытаюсь отыскать судебного следователя по громкому делу Шаньи господина Фор. Никто не знал что с ним стало и жив ли он вообще; и вот теперь, прожив пятнадцать лет в Канаде, он вернулся в Париж и первым делом пришел к администратору попросить место в канцелярии Оперы. Этот старичок и был господин Фор собственной персоной. Я провел с ним добрую часть вечера, и он рассказал мне все о деле Шаньи, как он тогда его понял. За неимением других доказательств он сделал заключение о безумии виконта и о гибели его старшего брата в результате несчастного случая, однако оставался при убеждении, что между братьями произошла ужасная драма, причиной которой являлась Кристина Даэ. Он не смог мне сказать, что было потом с Кристиной и с виконтом. И разумеется, когда я завел разговор о Призраке, он только рассмеялся. Он тоже слышал о странных явлениях, которые, казалось, подтверждали слухи о таинственном суще-

стве, будто бы избравшем местом жительства один из самых таинственных уголков Оперы; знал он и историю с «конвертом», но не находил в этом ничего, что могло бы привлечь внимание судьи, которому поручено вести дело Шаньи. Он лишь несколько мгновений слушал показания свидетеля, утверждавшего, что видел Призрака. Этим свидетелем был человек, которого весь Париж называл Персом и которого хорошо знали завсегдатаи Оперы. Следователь принял его за странного типа, страдающего галлюцинациями.

Как вы можете себе представить, меня чрезвычайно заинтересовал этот Перс, и я во что бы то ни стало захотел разыскать столь ценного свидетеля, если еще не было поздно. Мне повезло: я нашел его в квартирке на улице Риволи, он не покидал ее с тех самых пор и умер там же пять месяцев спустя после моего визита.

Вначале я отнесся к нему с недоверием, но, когда Перс с искренностью ребенка поведал мне все, что знал о Призраке, и передал в мое полное распоряжение свидетельства его существования, в частности удивительные письма Кристины Даэ – письма, столь ярко осветившие ее ужасающую судьбу, – я не мог более сомневаться! Нет! Призрак не был мифом!

Мне возражали, что письма эти могли быть вовсе не подлинными, а полностью сочиненными человеком, чье воображение вдохновлялось, без сомнения, самыми пленительными сказками; однако, к счастью, мне удалось раздобыть образец почерка Кристины, после чего я провел сравнительное исследование, рассеявшее все мои сомнения.

Кроме того, я навел подробнейшие справки о Персе и определил его как честного человека, неспособного выстроить хитроумный замысел, который мог бы ввести в заблуждение правосудие.

Это же подтвердили весьма известные лица, в той или иной мере связанные с делом Шаньи, а также друзья этой семьи. Я представил им имеющиеся доказательства и поделился рассуждениями, к которым они отнеслись весьма благосклонно; и в этой связи я позволю себе процитировать письмо, адресованное мне генералом Д.

«Сударь!

Я не могу побудить вас опубликовать результаты вашего расследования. Я прекрасно помню, как за несколько недель до исчезновения выдающейся певицы Кристины Даэ и драмы, повергнувшей в траур все предместье Сен-Жермен, в фойе балета много говорили о Призраке, и разговоры эти прекратились только после закрытия дела, занимавшего тогда всех. Однако, если существование Призрака может объяснить эту драму, в чем я убедился после встречи с вами, я прошу вас: займитесь этим Призраком. Каким бы загадочным он ни казался, все-таки он более объясним, нежели та темная и неприглядная история о том, как злонамеренные люди рассорили двух братьев, всю жизнь обожавших друг друга, так что те не общались до самой смерти...

Примите уверения и пр.».

Наконец, захватив с собой досье, я вновь появился в обширных владениях Призрака, в громадном сооружении, которое он превратили свою империю; и все, что я увидел здесь своими собственными глазами, все, что я обнаружил, прекрасно подтверждало свидетельства Перса и наконец венцом моих долгих трудов стала одна удивительная находка.

Многие помнят, что недавно, когда в подземельях Оперы производили захоронение записанных с помощью фонографа голосов артистов, один из рабочих наткнулся на труп, и сразу у меня появилось доказательство, что то был труп, Призрака Оперы! Я представил это доказательство администратору, а газеты пусть себе болтают, что в подземельях нашли жертву Коммуны.

Несчастные, которых во время Коммуны расстреливали в этих подвалах, похоронены вовсе не с этой стороны. Я мог бы показать, где покоятся их скелеты – совсем в другом месте, далеко от этого огромного склепа, где во время осады хранились запасы провизии.

О них я узнал именно тогда, когда разыскивал останки Призрака Оперы, я бы ни за что не нашел их, если бы не небывалый случай захоронения живых голосов.

Но мы еще поговорим об этом трупе и о том, как с ним следует поступить, а пока пора заканчивать это весьма необходимое предисловие и поблагодарить господина комиссара полиции Мифруа (дело об исчезновении Кристины Даэ вначале находилось в его ведении), господина бывшего секретаря Реми, господина бывшего администратора Мерсье, бывшего хормейстера Габриэля и в особенности мадам баронессу де Кастелло-Барбезак (некогда ее называли «малышкой Мэг», и она, кстати, вовсе не стыдится этого), самую прелестную звездочку нашего очаровательного кордебалета, старшую дочь почтенной мадам Жири, покойной билетерши ложи Призрака. Все эти слишком скромные свидетели очень мне помогли; именно благодаря им я смогу вновь пережить вместе с читателем минуты неомраченной любви и мгновения ужаса во всех подробностях.

Я был бы неблагодарным, если бы не выразил, перед тем как приступить к изложению этой жуткой и невыдуманной истории, признательность нынешней дирекции Оперы, которая столь любезно помогала моим исследованиям, в частности господину Мессаже, очень симпатичному администратору Габриону и весьма любезному архитектору, заботящемуся о сохранении этого сооружения (он не задумываясь одолжил мне рукописи Шарля Гарнье, хотя был почти уверен, что не получит их обратно). Наконец, мне остается публично признать благородство моего друга и бывшего коллеги господина Ж. Л. Кроза, предоставившего в мое распоряжение свою восхитительную театральную библиотеку и одолжившего уникальные издания, которыми он очень дорожил.

I. Призрак?

В тот вечер, когда подавшие в отставку директора Оперы господ Дебьен и Полиньи устраивали банкет по случаю своего ухода, в гримерную Сорелли, одной из прима-балерин, неожиданно влетело полдюжины девушек из кордебалета, только что покинувших сцену после представления «Полиевкта». Они были в сильном смятении: одни неестественно громко смеялись, другие испуганно кричали.

Сорелли, собиравшаяся хотя бы ненадолго побыть в одиночестве и отрепетировать прощальную речь, которую ей предстояло произнести в фойе перед господами Дебьеном и Полиньи, с неудовольствием взглянула на шумную компанию, сгрудившуюся в дверях. Она повернулась к своим подругам и осведомилась о причине столь бурного волнения. Малышка Жамм – носик во вкусе Гревэна, глаза-незабудки, щечки цвета розы, лилейная шейка – сумела вымолвить в ответ только два слова трепещущим от ужаса голосом:

– Это призрак! – и тут же повернула ключ в двери.

Гримерная Сорелли была обставлена по-официальному элегантно и банально: вся меблировка состояла из дивана, туалетного столика и шкафов. На стенах висело несколько гравюр – память о матери, заставшей еще прекрасные времена старой Оперы на улице Ле-Пелетье, портреты Вестриса, Гарделя, Дюпора, Биготтини. Но эта комната казалась девчонкам из кордебалета просто дворцом, ведь те размещались в общих гримерных, где они пели, препирались друг с другом, поколачивали парикмахеров и костюмерш и баловались черносмородиновой наливкой, пивом или даже ромом в ожидании звонка на выход.

Сорелли была очень суеверной; услышав восклицание малышки Жамм, она вздрогнула и проговорила:

– Дурочка!

И поскольку она больше других верила в призраков вообще и в Призрака Оперы в частности, Сорелли срочно захотела узнать подробности.

– Так вы его видели? – спросила она.

– Вот так же близко, как вас! – простонала малышка Жамм и, не чуя под собой ног, безвольно опустилась на стул.

– Если это и правда он, то он просто уродина! – подхватила малышка Жири, хрупкое создание – смуглая кожа да кости! – с глазами-черносливинами, иссиня-черными волосами.

– О да! – хором выдохнули балерины.

Они затараторили, перебивая друг друга. Призрак явился им в образе господина в черном, который откуда ни возьмись возник перед ними в коридоре. Его появление было столь внезапным, что впору поверить, будто он вышел из стены.

– Да ну вас, – бросила одна из них, сумевшая сохранить самообладание. – Всюду вам мерещится призрак.

Действительно, вот уже несколько месяцев в Опере только и судачили что о призраке в черном фраке, который как тень фланировал по всем этажам огромного здания; он ни к кому не обращался и с ним никто не смел заговорить; завидев человека, он мгновенно исчезал неизвестно куда и каким образом. Передвигался он неслышно, как и подобает настоящему призраку. Сначала все только смеялись над этим привидением, одетым, как светский человек или как служащий похоронного бюро, но вскоре легенда о призраке разрослась в кордебалете до невероятных размеров. Каждая из девушек утверждала, будто видела это сверхъестественное существо и даже стала жертвой его козней, а те, что более всех смеялись, боялись его не меньше. Когда его не было видно, он напоминал о своем существовании забавными или зловещими происшествиями, виновником которых его провозглашало почти всеобщее суеверие.

Случалось ли что серьезное, или просто затевался розыгрыш, терялась ли пуховка для рисовой пудры – во всем был виноват призрак – Призрак Оперы!

Но видел ли его вообще кто-нибудь? В Опере можно встретить множество черных фраков, и ничего призрачного в них не обнаруживается, но этот обладал особой приметой, не свойственной обычным фракам: он был надет на скелет.

Так, по крайней мере, утверждали девушки. Разумеется, вместо головы у Призрака был череп!

На самом деле образ скелета родился из описания призрака, которое дал Жозеф Бюкэ, старший рабочий сцены: он один видел его своими глазами. Он столкнулся с таинственным существом – невозможно употребить выражение «нос к носу», поскольку носа у того не было, – возле самой рампы, на узкой лестнице, которая вела прямо в подземелье. Он видел его всего одну секунду, так как Призрак тотчас же убежал, но запомнил навсегда.

Вот какими словами описывал Жозеф Бюкэ Призрака всем, кто хотел о нем услышать:

– Это удивительно худой человек, и его фрак болтается на костях как на вешалке. Глаза посажены так глубоко, что зрачки с трудом различимы. В сущности, видны только две большие черные глазницы, как у мертвецов. Кожа, которая натянута на костяк как на барабан, вовсе не белая, а какая-то отвратно желтая, вместо носа – еле заметный бугорок, так что в профиль его вообще не видно, и само это отсутствие носа являет собой ужасное зрелище. Шевелюру заменяют несколько длинных темных прядей, свисающих на лоб и за уши.

Жозеф Бюкэ тщетно преследовал это странное существо; оно исчезло как по волшебству, и он так и не смог найти его следов.

Старший рабочий смены был человек серьезный, рассудительный, без всякой склонности фантазировать, непьющий. Его рассказ выслушивался с почтительным удивлением и интересом, и вскоре нашлись еще люди, которым также повстречался скелет в черном фраке и с черепом вместо головы.

Когда эти слухи дошли до людей здравомыслящих, те вначале заявили, что над Жозефом Бюкэ подшутил кто-то из его подчиненных. Но потом одно за другим произошли события настолько странные и необъяснимые, что и скептики начали беспокоиться.

Бригадир пожарных – все храбрецы. Ничего не боятся, а уж огня тем более.

Так вот, однажды пожарный, о котором идет речь¹, спустился в подземелья проверить, все ли там в порядке, и, кажется, зашел несколько дальше, чем обычно; через некоторое время он в полной растерянности выскочил на сцену, бледный, дрожащий, с выпученными глазами, и едва не потерял сознание на руках достопочтенной матушки малышки Жамм. А все почему? Оказалось, что там, в потемках, он увидел, как к нему приближается пылающая голова, у которой не было тела. А я ведь уже говорил, что бригадир пожарных не боится огня!

Этого бригадира звали Папен.

Кордебалет был в смятении. Прежде всего потому, что огненная голова вовсе не подходила под описание Призрака, данного Жозефом Бюкэ. Еще раз хорошенько допросили пожарного, потом снова старшего рабочего сцены, и в результате девушки решили, что Призрак имеет несколько голов и меняет их, когда ему вздумается. Разумеется, они представили себе огромнейшую опасность, которой подвергались. Раз уж бригадир пожарных лишился чувств, то все корифейки и ученицы балетной школы нашли множество оправданий для того испуга, с которым они со всех ног бежали с любого слабоосвещенного места в коридорах.

Чтобы хоть как-то защитить здание Оперы от жуткой напасти, сама Сорелли, окруженная всеми танцовщицами и даже девчушками в трико из младших классов, на следующий же день после случая с бригадиром пожарных собственноручно возложила на стол, который стоял в вестибюле административного входа, подкову: к ней должен был прикоснуться всякий вхо-

---

¹ Эту весьма правдивую историю мне рассказал сам господин Педро Гайяр, бывший директор Оперы.

дивший в Оперу – разумеется, исключая зрителей, – прежде чем ступить на первую ступеньку лестницы. Это было необходимо, чтобы не оказаться добычей тайных сил, которые завладели зданием от подвалов до чердаков.

Эта деталь, как, впрочем, и вся история, не выдумана мною, и до сих пор подкову можно увидеть в вестибюле на столе перед консьержкой, когдаходишь в Оперу через служебный подъезд.

Вот что привело девушек в такое душевное состояние в тот вечер, когда мы вместе с ними вошли в примерную Сорелли.

– Там призрак! – вскричала, как было сказано выше, малышка Жамм.

А волнение от этого отнюдь не уменьшалось. Теперь в примерной воцарилось ледящее молчание. Слышалось только прерывистое дыхание девушек. Потом Жамм в непритворном ужасе забила в самый дальний угол и прошептала:

– Послушайте!

И всем показалось, что за дверью действительно послышался какой-то шорох.

Никаких шагов. Донесся лишь шорох шелковых одежд, коснувшихся стены. Потом все стихло. Сорелли, пытавшаяся выказать себя не такой трусливой, как ее подруги, приблизилась к двери и слабым голосом спросила:

– Кто там?

Но никто не ответил ей.

Тогда, ощущая, что на ней скрестились напряженные взгляды балерин, наблюдавших за малейшими ее жестами, она сделала над собой усилие и громко произнесла:

– Кто-нибудь есть за дверью?

– Да-да! Конечно за дверью кто-то есть! – повторила за ней бойкая Мэг Жири, схватив Сорелли за газовую юбку. – Только не открывайте! Ради Бога, не открывайте!

Но Сорелли, вооружившись стилетом, с которым никогда не расставалась, осмелилась все же повернуть ключ в замке и приоткрыла дверь; балерины, отступившие к самой туалетной кабинке, стояли, сбившись в кучу, а Мэг Жири шептала:

– Мамочка моя!

Между тем Сорелли отважно выглянула в коридор. Он был пустынен; газовый рожок в стеклянной колбе скупосвещал красноватым светом окружающий его сумрак, не в силах рассеять его. Балерина быстро закрыла дверь, испустив вздох облегчения.

– Никого там нет.

– Но мы же его видели! – утверждала Жамм, с опаской подходя к Сорелли. – Он, должно быть, бродит где-то поблизости. Я вообще не пойду переодеваться. Надо нам всем вместе спуститься в фойе, поприветствовать директоров и сразу вернуться.

С этими словами девушка благоговейно коснулась крохотного кораллового талисмана, который должен был охранить ее от несчастий. А Сорелли украдкой, кончиком розового ногтя правого большого пальца, очертила крест святого Андрея на деревянном колечке, надетом на безымянный палец левой руки.

Один известный хроникер писал о ней:

«Сорелли – высокая, красивая танцовщица с серьезным чувственным лицом, гибкая, как ива, в театре все говорят о ней, что она „прелестное создание“. Золотистые белокурые волосы обрамляют высокий лоб, ее лицо освещено изумрудными глазами. Голова плавно покачивается на длинной точеной и горделивой шее. Во время танца она делает некое неуловимое движение бедрами, которое наполняет ее тело невыразимой негой. Когда эта восхитительная женщина поднимает руки и, слегка склонившись, выставляет ногу вперед, перед тем как сделать пируэт, подчеркивая таким образом линии корсажа, кажется, что это зрелище может любого свести с ума».

Правда, ума-то у нее почти и не было, однако в этом ее не упрекали.

– Девочки мои, – оглядела она юных балерин, – придите в себя!.. Что такое призрак? Может, его вообще никто не видел...

– Нет, мы видели его! Только что видели! – продолжали девушки. – У него череп вместо головы и тот самый фрак, в котором его видел Жозеф Бюкэ!

– И Габриэль тоже его видел! – добавила Жамм. – Не далее как вчера. Вчера, средь бела дня...

– Габриэль, хормейстер?

– Ну да. Вы разве об этом не слышали?

– И он был во фраке средь бела дня?

– Кто? Габриэль?

– Да нет же! Призрак!

– Вот именно! Он был во фраке! – подтвердила Жамм. – Габриэль сам мне об этом рассказал, он его по фракку и узнал. Дело было так. Габриэль сидел в кабинете заведующего постановочной частью. Вдруг открылась дверь и вошел Перс. Ну, вам известно, что у Перса дурной глаз...

– Да-да! – хором ответили девушки, которые при имени Перса сделали рожки: вытянули вперед указательный палец и мизинчик, прижав большим пальцем средний и безымянный к ладони.

– ...и что Габриэль суеверен, – продолжала Жамм, – но всегда вежлив, и, когда встречается с Персом, он просто спокойно кладет руку в карман и дотрагивается до ключей... Так вот, как только перед Персом открылась дверь, Габриэль одним прыжком пересек комнату и дотронулся до замочной скважины шкафа, ну чтобы коснуться железа. При этом он зацепился своим пальто за гвоздь и вырвал оттуда целый клоч. Спеша выйти, ударился лбом о вешалку и набил себе огромную шишку; затем он попятился и ободрал руку о ширму, стоявшую возле рояля, хотел опереться на него, но крышка неожиданно захлопнулась и прижала ему пальцы; он как сумасшедший выскочил из кабинета и так торопился, спускаясь по лестнице, что споткнулся и пересчитал боками все ступеньки до второго этажа. Как раз в тот момент мы с мамой проходили мимо. Мы бросились поднимать его. У него все лицо было в крови, мы даже испугались, но он тут же разулыбался и воскликнул: «Спасибо тебе, Боже, что я так легко отделался!» Мы его расспросили, и он нам сказал, что его так напугало. Дело в том, что за спиной Перса был призрак! *Призрак с черепом вместо головы*, каким его описал Жозеф Бюкэ.

Жамм, запыхавшись, закончила свой рассказ, который она протараторила так, будто за ней гнался призрак; и тут же поднялся глухой испуганный ропот. Потом наступило молчание, которое прервал тихий голос малышки Жири, в то время как Сорелли, очень взволнованная, полировала ногти:

– Лучше бы Жозеф Бюкэ помолчал.

– Почему? – спросил кто-то.

– Так считает мама, – ответила Мэг еще тише, озираясь вокруг, как будто боялась, что ее услышит кто-то, кроме тех, кто находился в комнате.

– Почему твоя мама так считает?

– Тсс! Она говорит, что Призрак не любит, когда его беспокоят.

– Откуда она это знает?

– Потому что... Потому что нет ничего...

Это наигранная недомолвка разожгла любопытство девушек, которые тесно окружили малышку Жири и, склонившись в едином просящем и испуганном движении, стали умолять ее рассказать все, что она знает. Зараженные общим страхом, они получали от этого острое удовольствие, от которого леденела кровь в жилах.

– Я поклялась молчать, – наконец сказала Мэг.

Однако они не оставили ее в покое, обещая сохранить тайну, и наконец Мэг, сама сгоравшая от желания рассказать то, что она знала, заговорила, не сводя глаз с двери:

– Ну, это из-за ложи...

– Какой ложи?

– Ложи Призрака!

– У Призрака есть ложа?!

При сообщении о том, что Призрак имеет собственную ложу, девушки не смогли сдержать возгласов удивления, смешанного с мрачным восторгом.

– О Господи, рассказывай... рассказывай!

– Тише! – приказала Мэг. – Это ложа первого яруса номер пять. Вам отлично известно, она первая слева от авансцены.

– Не может быть!

– Говорю же вам. Эту ложу обслуживает моя мама. Но поклянитесь никому об этом не рассказывать.

– Конечно! Давай дальше!

– Так вот. Это ложа Призрака... Уже больше месяца туда никто не заходил, кроме Призрака, естественно, и администрация получила указание никогда не сдавать ее...

– Это правда, что туда приходит Призрак?

– Ну да...

– То есть видели, что туда кто-то заходит?

– Да нет же! *Туда приходит Призрак и там никого нет!*

Девушки переглянулись. Если Призрак приходил в ложу, то его можно было увидеть, потому что у него черный фрак и череп вместо головы. Они сказали об этом Мэг, но та с горячностью возразила:

– Как вы не поймете? Призрака не видно, и у него нет ни фрака, ни головы! Все, что рассказывают о черепе или об огненной голове, – это болтовня! У него нет ничего подобного... Его можно только слышать, когда он в ложе. Мама ни разу его не видела, но зато слышала. Она хорошо это знает, ведь она сама ему приносит программку!

– Малышка Жири, да ты просто смеешься над нами, – сочла своим долгом вмешаться Сорелли.

Тогда малышка Жири расплакалась.

– Лучше бы я не болтала... Если бы только мама знала!.. Но все-таки Жозеф Бюкэ зря занимается делами, которые его не касаются. Это принесет ему несчастье. Мама еще вчера это говорила.

В этот момент послышались грузные торопливые шаги в коридоре и чей-то запыхавшийся голос прокричал:

– Сесиль! Сесиль! Ты там?

– Это голос матушки, – прошептала Жамм. – Что случилось?

Она открыла дверь. В комнату влетела представительная дама, сложением напоминавшая гренадера из Померании, и со стоном рухнула в кресло. Ее глаза дико вращались, и лицо приобрело оттенок терракоты.

– Какое несчастье! – проговорила она. – Какое несчастье!

– Что? Что такое?

– Жозеф Бюкэ...

– Ну и что Жозеф Бюкэ?

– Жозеф Бюкэ мертв!

В примерной раздались недоверчивые восклицания и испуганные просьбы рассказать о случившемся.

– Да, его только что нашли повешенным на третьем подземном этаже. *Но самое ужасное, – продолжала срывающимся голосом почтенная дама, – самое ужасное в том, что рабочие сцены, которые нашли тело, утверждают, будто слышали возле мертвеца какой-то шум, напоминающий заукобойное пение.*

– Это Призрак! – вырвалось у младшей Жири, которая тут же прижала ко рту сжатые кулачки и пролепетала: – Нет-нет! Я ничего не говорила!.. Я ничего не говорила!

А вокруг нее подруги в ужасе повторяли шепотом:

– Точно! Это Призрак!..

Сорелли побледнела.

– Я не смогу произнести приветствие, – прошептала она.

Мамаша Жамм опрокинула рюмку ликера, стоявшую на столике, и высказала свое мнение: в подземельях Оперы и впрямь живет призрак.

Правда в том, что так и не удалось узнать, как именно погиб Жозеф Бюкэ. Краткое следствие не дало никакого результата: единственной версией было *самоубийство*. В своих «Воспоминаниях директора Оперы» господин Моншармен, один из двух директоров, сменивших Дебьена и Полиньи, так описывает случай с повешенным:

«Досадный инцидент нарушил маленький праздник, который устроили по случаю своего ухода в отставку господ Дебьен и Полиньи. Я находился в кабинете дирекции, когда неожиданно туда вошел Мерсье, администратор. Он был крайне потрясен и рассказал, что на третьем этаже подземелья, прямо под сценой, между задником и декорацией к „Королю Лахорскому“, нашли тело рабочего сцены.

Я воскликнул: „Нужно его снять! Но пока я бегал вниз и доставал лестницу, веревка на шее повешенного уже исчезла».

Господин Моншармен считал это событие абсолютно нормальным. Человек повесился, его собирались вытащить из петли, а веревка исчезла. О! Господин Моншармен нашел этому простое объяснение: *«Это было время занятий в танцевальном классе, и корифейки и ученицы балетной школы быстренько приняли меры от дурного глаза»²*. Все. Точка. Вы можете себе представить, как девушки из кордебалета спускаются по приставной лестнице и делят между собой веревку повешенного за меньшее время, чем понадобилось, чтобы написать эти строки?!

Все это несерьезно. Но когда я думаю о том месте, где был найден труп – на третьем подземном этаже, под сценой, – мне представляется, что где-то там кому-то было нужно, чтобы эта веревка, сделав свое дело, бесследно исчезла; и позже мы увидим, ошибался ли я в этом своем предположении.

Жуткая новость быстро разнеслась по всей Опере, где Жозефа Бюкэ очень любили. Артистические уборные опустели, и юные балеринки, окружившие Сорелли, как стадо пугливых овец окружает пастуха, поспешили в фойе по скупому освещенным коридорам и лестницам, быстро-быстро перебирая стройными розовыми ножками.

---

² По примете, кусок веревки повешенного оберегает от дурного глаза.

II. Новая Маргарита

На площадке второго этажа Сорелли и ее свита столкнулись с графом де Шаньи, который поднимался им навстречу. На лице обычно сдержанного графа было написано сильное возбуждение.

– Я как раз шел к вам, – галантно сказал граф, приветствуя молодую женщину. – Ах, Сорелли! Какой прекрасный вечер! А Кристина Даэ, какой триумф!

– Не может быть! – возразила Мэг Жири. – Еще полгода назад она пела, как курица. Но пропустите же нас, мой дорогой граф, – сказала девчонка, сделав шаловливый реверанс. – Мы идем разузнать о том бедняге, которого нашли повешенным.

В этот момент мимо прошел озабоченный администратор. Услышав эти слова, он резко остановился.

– Как! Вы уже знаете, мадемуазель? – довольно грубо спросил он. – Тогда не говорите об этом... Особенно господам Дебьену и Полиньи: это будет для них большим огорчением в их последний день.

И все поспешили в фойе балета, которое уже заполнили приглашенные.

Граф де Шаньи был прав: никогда в Опере еще не устраивали подобного гала-концерта. Те, кто был удостоен чести там присутствовать, до сих пор взволнованно рассказывают о нем своим детям и внукам. Подумать только: Гуно, Рейер, Сен-Санс, Массне, Гиро, Делиб сменяли друг друга у дирижерского пульта и сами дирижировали исполнением своих произведений. Среди участников концерта были Габриэль Форе и Краус. Именно в тот вечер весь Париж был поражен и восхищен, услышав Кристину Даэ, о загадочной судьбе которой я намерен рассказать в этой книге.

Гуно дирижировал «Траурным маршем марионетки», Рейер – своей прелестной увертюрой к «Сигурду», Сен-Санс – «Пляской смерти» и «Восточной грезой», Массне – еще не опубликованным «Венгерским маршем», Гиро – своим «Карнавалом», Делиб – «Медленным вальсом Сильвии» и «Пиццикато» из «Коппелии». Мадемуазель³ Краус и Дениз Блох исполнили: первая – болеро из «Сицилийской вечерни», вторая – заздравную песнь из «Лукреции Борджа».

Но главный успех выпал на долю Кристины Даэ, которая вначале спела несколько арий из «Ромео и Джульетты». Впервые в своей жизни молодая певица исполнила это произведение Гуно, которое, кстати, еще и не звучало в этом театре, ибо только незадолго до этого было поставлено в Комической опере, а до этого много раньше в бывшем Лирическом театре с мадам Карвальо в главной партии. Ах! Стоит посочувствовать тем, кому не довелось услышать Кристину Даэ в партии Джульетты, увидеть ее непосредственность и грацию, замереть при звуках ее ангельского голоса, почувствовать, как душа устремляется вместе с ним над могилами веронских любовников.

«Господь! Господь! Господь! Прости нас!»

Но это были пустяки по сравнению с тем, как она пела в сцене в тюрьме и в особенности в финальном терцете из «Фауста», где заменила заболевшую Карлотту. Такого в Опере никогда не слышали и не видели!

Перед публикой предстала новая Маргарита, Маргарита ослепительная, сияющая, о существовании которой раньше и не подозревали.

Весь зал в невыразимом волнении приветствовал бурей восторга Кристину, рыдавшую на руках своих товарищей. Ее пришлось унести в гримерную. Казалось, она умерла. Известный критик П. де Сент-В. запечатлел воспоминание об этом волшебном мгновении в рецен-

---

³ Известных актрис называют не «мадам», а «мадемуазель», независимо от возраста и семейного положения.

зии, которую он удачно назвал «Новая Маргарита». Сам тоже будучи художником в душе, он писал, что певица – это прекрасное и нежное дитя – принесла в тот вечер на подмостки Оперы нечто большее, чем свое искусство, – она принесла свое сердце. Всем завсегдатаям Оперы было известно, что сердце Кристины оставалось чистым, как в 15 лет; и критик П. де Сент-В. писал: «Чтобы понять, что случилось с Даэ, *необходимо представить себе: она только что в первый раз полюбила!* Возможно, я покажусь нескромным, – добавлял он, – но лишь любовь способна сотворить подобное чудо, такую потрясающую перемену. Два года назад на конкурсе в Консерватории Кристина Даэ всего лишь подавала большие надежды. *Откуда же сегодня взялась эта возвышенность? Если только она не спустилась с неба на крыльях любви, остается думать, что она поднялась из глубин ада и что Кристина, как когда-то мэтр Офтердинген, заключила союз с дьяволом!* Тот, кто не слышал, как Кристина поет свою партию в финальном терцете из „Фауста, тот не знает этой оперы, потому что никакая восторженность или святое опьянение не смогли бы превзойти ее искусство».

Тем не менее некоторые владельцы лож роптали. Как смели так долго скрывать от них подобное сокровище? До того вечера Кристина Даэ была лишь вполне сносным Зибелем около прекрасной, но, пожалуй, слишком земной, материальной Маргариты, партию которой пела Карлотта. И потребовалось непонятное и необъяснимое отсутствие Карлотты на гала-концерте, чтобы юная Даэ без подготовки в полной мере показала себя в разделе программы, предназначенном для испанской дивы. Наконец, как господам Дебьену и Полиньи, лишившимся Карлотты, пришлось в голову обратиться к Даэ? Выходит, они знали об этом еще не распустившемся даровании? А если знали, почему скрывали это? И почему скрывала она сама? Станным было и то, что никто не знал ее учителя, да она и сама не раз говорила, что теперь будет репетировать одна. Словом, все это было весьма загадочно.

Граф де Шаньи стоял в своей ложе, и его восторженные крики «Браво!» вплетались в общий оглушительный хор.

Граф де Шаньи (Филипп-Жорж-Мари) был зрелым мужчиной, ему в ту пору исполнился сорок один год. Это был знатный вельможа, красавец. Роста выше среднего, с приятным лицом, несмотря на тяжелый лоб и холодноватые глаза; он отличался самыми утонченными манерами в отношениях с женщинами и был несколько высокомерен с мужчинами, которые не всегда прощали ему успехи в свете. Он обладал удивительным благородством и честностью. После смерти старого графа Филиберта он сделался главой одного из самых славных и древних родов Франции, корни которого уходят во времена Людовика Сварливого! Состояние рода Шаньи было весьма внушительным, и, когда умер старый граф-вдовец, Филиппу ничего не оставалось, кроме как взять тяжесть управления имуществом на себя. Две его сестры и брат Рауль и слышать не желали о разделе, и все состояние перешло к Филиппу, как будто наследование по старшинству оставалось в силе. Когда сестры выходили замуж – обе в один день, – они приняли свою долю из рук брата не как что-то им принадлежащее, но как приданое, за которое они были благодарны.

Графиня де Шаньи – урожденная де Мержи де ла Мартиньер – умерла, разродившись Раулем, через двадцать лет после появления на свет старшего сына. К моменту смерти старого графа Раулю исполнилось двенадцать лет, и воспитанием ребенка занялся Филипп. В этом ему охотно помогали сначала сестры, затем старая тетка, вдова моряка, которая жила в Бресте и заронила в душу юного Рауля любовь к морю. Юноша поступил в школу Борда: закончил ее с одним из лучших результатов и совершил свое первое кругосветное путешествие. Благодаря мощному покровительству его включили в состав официальной экспедиции, которая должна была отправиться на корабле «Акула» в полярные льды на поиски пропавших три года назад исследователей из экспедиции Артуа. Тем временем он наслаждался долгим шестимесячным отпуском; и вдовушки дворянского предместья, видя этого красивого, хрупкого с виду юношу, уже жалели его из-за той тяжелой работы, которая ему предстояла.

Этот молодой моряк отличался необыкновенной застенчивостью, даже наивностью. Казалось, он только накануне вышел из-под женской опеки. Действительно, взлелеянный теткой и сестрами, благодаря такому чисто женскому воспитанию он сохранил искренние манеры с печатью какого-то особого очарования, которое ничто не смогло заставить потускнеть. В ту пору ему было немногим больше двадцати одного года, но выглядел он на восемнадцать. У него были светлые усики, красивые голубые глаза и цвет кожи, как у юной девушки.

Филипп баловал Рауля. В первое время он очень им гордился и радостно предвкушал карьеру, которую предстояло сделать младшему брату в военно-морском флоте, где один из их предков, знаменитый Шаньи де ля Рош, служил адмиралом. Во время отпуска юноши граф постарался показать ему Париж, которого тот почти не знал, Париж, предлагавший самые изысканные радости и удовольствия.

Граф считал, что в возрасте Рауля не слишком-то разумно выказывать сдержанность и благоразумие, хотя сам обладал весьма уравновешенным характером, как в трудах, так и в удовольствиях; являя собой идеальный образец, он был не способен подать брату дурной пример. Он повсюду водил его с собой и даже показал ему фойе балета. Мне известно, что тогда поговаривали, будто граф был «в самых лучших отношениях» с Сорелли. Но можно ли вменить в вину блестящему светскому человеку, холостяку, который мог позволить себе любые развлечения, особенно после того, как его сестры устроили свою судьбу, то, что он часа два после ужина проводил в компании танцовщицы, которая хоть не блистала умом, зато обладала самыми очаровательными глазками? Кроме того, есть места, в которых истинный парижанин, в положении графа де Шаньи, просто обязан показываться, а в ту эпоху одним из таких мест было фойе балета Оперы.

Наконец, Филипп, может быть, и не привел бы брата за кулисы Национальной академии музыки, если бы тот сам не упрямил его с тем мягким упорством, о чем граф еще вспомнит впоследствии.

Но вернемся к событиям того вечера. поприветствовав Кристину Даэ аплодисментами, Филипп повернулся к Раулю и нашел, что тот пугающе бледен.

– Разве вы не видите, – сказал Рауль, – что этой девушке плохо?

И в самом деле, на сцене Кристину Даэ пришлось поддерживать под руки.

– Я вижу, что это ты сейчас можешь лишиться чувств, – с тревогой заметил граф, наклонясь к Раулю. – Что с тобой?

Но Рауль уже поднялся и дрожащим голосом произнес:

– Пойдем.

– Куда ты, Рауль? – спросил граф, удивленный волнением своего младшего брата.

– Пойдем же посмотрим! Она впервые так пела!

Граф пристально посмотрел на брата, и легкая улыбка проглянула в уголках его губ.

– Ого! – сказал он. И тут же добавил с видом волшебника: – Пойдем посмотрим.

Они быстро прошли к входу, где толпились завсегдатаи Оперы. Рауль принялся нервно тереть перчатки. Филипп, добрый по натуре, и не думал смеяться над нетерпением брата – теперь ему стало ясно, почему Рауль был рассеян, когда он заговаривал с ним, и почему в последнее время так упорно сводил все разговоры к Опере. Наконец они вышли на сцену.

Толпа черных фраков теснилась в фойе балета или устремлялась к артистическим уборным. Раздавались бурные крики рабочих сцены и руководителей технических служб. Подталкивая друг друга, уходили статисты и статистки, занятые в последней картине, над головами проплывали подставки для софитов, с колосников опускался задник, громко стуча молотком, подгоняли декорации, в атмосфере что-то будто предвещало какую-то неясную угрозу, – обычная обстановка антрактов, которая всегда смущает попавшего за кулисы новичка, каким и был молодой человек со светлыми усиками, голубыми глазами и с нежным цветом лица, быстро,

насколько позволяла толчея, пробиравшийся через сцену, где только что одержала триумфальную победу Кристина Даэ.

Никогда здесь не было такой сутолоки, как в тот вечер гала-концерта, но вместе с тем никогда Рауль не чувствовал себя таким смелым. Он шагал, отстраняя плечом все, что стояло у него на пути, не обращая внимания на окружающий его шум и на растерянные разговоры рабочих сцены. Его занимало лишь одно – увидеть ту, чей волшебный голос проник в его сердце. Да, он ощущал, что его бедное молодое сердце больше ему не принадлежало. С того самого дня, когда Кристина, которую он знал совсем маленькой, снова возникла на его пути, он пытался сопротивляться. Тогда он ощутил в себе какое-то нежное волнение, которое хотел прогнать, потому что, как честный и благородный человек, он поклялся полюбить лишь ту, что станет его женой; однако, естественно, он даже на секунду не мог себе представить, что возможно жениться на певице. Но через некоторое время сладостное волнение сменилось каким-то жгучим ощущением. Ощущение? Чувство? Оно было материальным и вместе с тем духовным. У него сильно болела грудь, как будто ее вскрыли, чтобы вынуть сердце. Внутри оставалась ужасная, томительная пустота, заполнить которую может только сердце другого человека! Это совершенно особенный процесс, и понять это в состоянии лишь тот, кто сам бывал поражен тем чувством, что зовется любовью с первого взгляда.

Граф Филипп, по-прежнему с улыбкой на губах, с трудом поспевал за братом.

Пройдя через двойные двери, откуда ступеньки вели с одной стороны в фойе и в ложе левой стороны первого яруса – с другой, Рауль вынужден был остановиться перед стайкой учениц балетной школы, которые, спустившись со своего чердака, загораживали проход. Не бросив ни слова в ответ на восклицания, срывающиеся с накрашенных губок, он вошел в полумрак коридора, наполненный восторженным гулом энтузиастов-поклонников, из которого выделялось лишь одно имя: «Даэ! Даэ!» Граф, шедший следом за Раулем, говорил себе: «Хитрец, знает дорогу!» – гадая, как она ему стала известна, ведь он никогда не водил его к Кристине.

Значит, он уже приходил сюда один, когда граф, по обыкновению, болтал с Сорелли в фойе, а она часто удерживала его до своего выхода на сцену и заставляла прислуживать себе, вручая кавалеру на хранение гетры, в которых выходила из гримерной, чтобы не запятнать атласные туфельки и телесного цвета трико. Впрочем, Сорелли можно было понять: она давно потеряла мать.

Граф, отложив на несколько минут традиционный визит к Сорелли, шел по длинному коридору, ведущему в гримерную Даэ. Он отметил, что никогда здесь не толпилось столько людей, как в этот вечер, словно весь театр собрался сюда, потрясенный успехом певицы и ее внезапным обмороком. Юная красавица до сих пор не пришла в сознание, уже послали за доктором, и вскоре он появился, торопливо расталкивая собравшихся, а за ним следом шел Рауль, почти наступая ему на пятки.

Так врач и влюбленный одновременно оказались возле Кристины, и она получила первую помощь от одного и открыла глаза в объятиях другого. Граф же, как и прочие, остался на пороге комнаты.

– Вы не находите, доктор, что этим господам стоит освободить гримерную? – спросил Рауль, сам поражаясь своей смелости. – Здесь невозможно дышать.

– Вы совершенно правы, – согласился врач и выставил за дверь всех, за исключением Рауля и горничной, которая с искренним изумлением округлившимися глазами смотрела на юношу, так как видела его в первый раз.

Однако расспрашивать она не осмелилась, а врач решил, что если этот молодой человек ведет себя так свободно, значит, он имеет на это право. Таким образом, виконт остался и не сводил глаз с приходившей в себя Кристины, а оба директора – господа Дебьен и Полиньи, – заявившиеся выразить своей воспитаннице восхищение, были выдворены в коридор вместе

с остальными черными фраками. Граф Шаньи, посмеивавшийся в усы, также был оттеснен в коридор.

– Вот плут! – громко расхохотался он, пробормотав *in petto*⁴: – Вот уж верно говорится: бойтесь юнцов, которые напускают на себя вид маленьких девочек. – И, сияя, заключил: – Настоящий Шаньи!

Граф направился к артистической Сорелли, но та уже сама спускалась в фойе в окружении дрожащих от страха балерин, и граф встретил ее по пути, как уже было сказано выше.

Между тем Кристина Даэ глубоко вздохнула, повернула голову, увидела Рауля и вздрогнула. Она посмотрела на доктора, улыбнулась ему, затем взглянула на горничную и вновь перевела взгляд на Рауля.

– Сударь, – спросила она едва слышно, – кто вы?

– Мадемуазель, – ответил юноша, опустившись на одно колено и запечатлев пылкий поцелуй на руке певицы, – *я тот маленький мальчик, который когда-то выловил из моря ваш шарф*.

Кристина вновь бросила взгляд на доктора и на горничную, и все трое рассмеялись. Рауль, весь красный, поднялся с колен.

– Мадемуазель, хотя вам так не хочется узнавать меня, я хотел бы сказать вам нечто важное наедине.

– Если можно, когда мне станет лучше, сударь. – И ее голос дрогнул. – Вы очень любезны...

– Но вам лучше выйти, – добавил доктор с самой любезной улыбкой. – Позвольте вам помочь, мадемуазель.

– Я не больна, – сказала Кристина, вдруг ощутившая неожиданный прилив сил.

Она встала и быстрым движением провела ладонью по векам.

– Я очень вам благодарна, доктор... Но мне надо остаться одной. Выйдите все! Прошу вас... Оставьте меня. Я так раздражительна сегодня...

Врач собрался было протестовать, но, заметив возбуждение девушки, решил, что в таком состоянии лучше с ней не спорить, и вышел в коридор вслед за расстроенным Раулем.

– Я сегодня не узнаю ее. Обычно она такая сдержанная... – С этими словами он удалился.

Рауль остался один. Толпа уже разошлась. Должно быть, в фойе балета уже приступили к церемонии прощания. Рауль подумал, что, возможно, Кристина тоже отправится туда, и стал ждать в тишине и одиночестве. Он даже отступил в тень. Ужасная боль в сердце все еще давала о себе знать. Об этом он и хотел без промедления поговорить с Даэ. Вдруг дверь гримерной открылась, из нее вышла горничная – одна, с какими-то пакетами в руках. Он остановил ее и справился о здоровье хозяйки. Она со смехом ответила, что та чувствует себя хорошо, но не стоит ее беспокоить, потому что она желает остаться одна. Горничная убежала; в воспаленном мозгу Рауля мелькнула мысль: *Кристина захотела остаться одна из-за него*! Разве он не сказал ей, что должен поговорить с ней наедине, и разве не поэтому она попросила всех уйти? Стараясь не дышать, он приблизился к гримерной, приложил ухо к двери, чтобы расслышать ответ Кристины, и уже собрался постучать. Но рука его тут же опустилась. Он услышал там внутри *мужской голос*, который произнес с повелительной интонацией:

– Кристина, тебе нужно полюбить меня!

Ему ответил дрожащий, исполненный отчаяния, почти плачущий голос Кристины:

– Как вы можете говорить мне это! *Мне, которая поет только для вас!*

Рауль бессильно прислонился к стене. Сердце, которое, как ему казалось, он потерял навсегда, вновь возвратилось на свое место. Ему почудилось, что эхо его ударов раскатилось по всему коридору, а сам он был будто оглушен. Если сердце будет биться так громко, его

---

⁴ *In petto* (urn.) – тихонько, тайком.

услышат, откроют дверь и с позором прогонят. Унизительная ситуация для человека с именем де Шаньи! Вообразите только – подслушивать под дверью! Он обеими руками прикрыл сердце, пытаясь заглушить его. Однако это ведь не собачья пасть, и потом, даже если сжимать обеими руками пасть истошно лающей собаки, все равно будет доноситься ее рычание.

– Вы, должно быть, утомлены? – продолжал тот же мужской голос.

– Ах! Сегодня я отдала вам всю душу и теперь почти мертва.

– Твоя душа прекрасна, дитя мое, – произнес мужчина низким голосом, – и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка! *Этим вечером ангелы плакали...*

После слов «*этим вечером ангелы плакали*» виконт ничего больше не слышал. Однако он не ушел, а, опасаясь быть застигнутым, забился в темный угол, решив дожидаться, пока мужчина не выйдет из гримерной Кристины. Он только что открыл для себя одновременно и любовь, и ненависть. Он знал, что любит, и хотел увидеть того, кого ненавидит. К его величайшему изумлению, дверь отворилась и Кристина Даэ, одна, вышла в коридор, закутавшись в меха и спрятав лицо под вуалью. Девушка закрыла за собой дверь, но Рауль заметил, что она не заперла ее на ключ. Он даже не проследил за ней взглядом, потому что глаза его были прикованы к двери, которая все не отворялась. Когда коридор снова опустел, он подбежал к двери, распахнул ее и тотчас закрыл за собой. Его обступила непроглядная тьма – газовый рожок был погашен.

– Здесь кто-то есть? – спросил юноша звенящим голосом. – Почему вы прячетесь?

Говоря это, он все еще опирался на закрытую дверь.

Ночная тьма и молчание были ему ответом. Рауль слышал только собственное дыхание. Он совершенно не отдавал себе отчета в том, насколько нескромность его поведения превосходит все допустимые пределы.

– Вы выйдете отсюда, лишь когда я позволю вам это сделать! – выкрикнул он. – Вы трус, если не хотите откликнуться! Но я найду вас!

И он чиркнул спичкой. Ее огонек осветил комнату. Она была пуста! Рауль, предусмотрительно заперев дверь на ключ, зажег все лампы. Прошел в туалетную комнату, открыл шкафы, ощущал влажными руками стены. Ничего!

– Ах так! – недоуменно проговорил он. – Я что, уже схожу с ума?

Минут десять он стоял в пустой гримерной, слушая шипение газа, и, хотя он был без памяти влюблен, ему даже не пришло в голову унести с собой хоть ленту, которая хранила бы для него запах духов любимой. Потом он вышел, не зная, что делает и куда направляется. Так он шел некоторое время, пока в лицо ему не повеяло ледяным ветром. Он оказался у подножия узкой лестницы, по которой спускался кортеж рабочих с носилками, прикрытыми белым покрывалом.

– Где здесь выход? – спросил Рауль у одного из них.

– Вы же видите! Прямо перед вами, – ответили ему. – Дверь открыта. А теперь пропустите нас.

Он машинально поинтересовался, указывая на носилки:

– А это что такое?

– Жозеф Бюкэ, его нашли повешенным на третьем подземном этаже, между опорой балки и декорацией к «Королю Лахорскому».

И Рауль, сняв шляпу, отступил в сторону, пропуская кортеж, и вышел.

III. Глава, в которой господа Дебьен и Полиньи впервые сообщают по секрету новым директорам Оперы Арману Моншармену и Фирмену Ришару истинную и таинственную причину своего ухода из Национальной академии музыки

А в это время проходила церемония торжественного прощания.

Я уже сообщал, что этот удивительный праздник давали по случаю своей отставки Дебьен и Полиньи, которым хотелось, как говорится, уйти красиво.

В организации программы этого идеального, но мрачного вечера им помогали самые известные в Париже лица, как из светского общества, так и из художественных кругов.

Все они собрались в фойе балета, где уже стояла Сорелли с бокалом шампанского и приготовленной речью на устах, ожидая появления экс-директоров. Позади нее столпились балерины из кордебалета, юные и не слишком, некоторые шепотом обсуждали события прошедшего дня, другие украдкой, знаками приветствовали друзей, которые шумной толпой окружили буфет, воздвигнутый на наклонной платформе между двумя панно Буланже: *воинственным танцем* с одной стороны и *сельским* – с другой.

Некоторые балерины уже переоделись в обычные платья, но большинство были еще в легких газовых юбочках, и все старательно принимали подходящий случаю вид. Только малышка Жамм, чей счастливый возраст – пятнадцать весен! – помог ей беззаботно забыть и Призрака, и смерть Жозефа Бюкэ, не переставала тараторить, щебетать, подпрыгивать и проказничать, так что, когда в дверях появились Дебьен и Полиньи, нетерпеливая Сорелли сурово призвала ее к порядку.

Все заметили, что у господ отставных директоров был очень веселый вид, что в провинции показалось бы неестественным, а в Париже сочли признаком хорошего вкуса. Невозможно стать парижанином, не научившись непринужденно надевать маску радости при всех печалях и неприятностях, «полумаску» грусти, скуки или безразличия при искреннем веселье. Если кто-то из ваших друзей попал в беду, не пытайтесь утешать его – он скажет вам, что все уже в порядке, но, если случилось нечто приятное, будьте осторожны с поздравлениями, потому что удача кажется ему настолько естественной, что он будет очень удивлен, если вы заговорите об этом. Париж – это нескончаемый бал-маскарад, и господа Дебьен и Полиньи были достаточно учеными, чтобы выказать свою грусть где угодно, только не в балетном фойе Оперы. Итак, они наигранно улыбались Сорелли, и она уже начала свою речь, как вдруг послышалось восклицание глупышки Жамм, погасившее улыбки директоров, и на лицах присутствующих проступило отчаяние и даже страх.

– Призрак Оперы!

Жамм бросила эту фразу с неописуемым ужасом, указывая пальчиком в толпе черных фраков на лицо, такое бледное, мрачное и уродливое, с такими глубокими глазницами под безбровыми дугами, что вышеуказанный череп тут же возымел оглушительный успех.

– Призрак Оперы! Призрак Оперы!

Смеясь и подталкивая друг друга, все устремились к Призраку с шампанским, но он неожиданно исчез! Он как будто растворился в толпе, и все поиски были напрасны. А тем временем два пожилых господина успокаивали малышку Жамм, тогда как Мэг Жири испускала крики, напоминающие кудахтанье павлина.

Сорелли была просто взбешена: речь так и не удалось закончить. Тем не менее Дебьен и Полиньи, расцеловав, поблагодарили ее и скрылись так же незаметно и быстро, как Призрак.

Впрочем, это никого не удивило, потому что директоров ждала та же самая церемония этажом выше, в вокальном фойе, и в довершение всего им предстоял ужин, самый настоящий ужин в компании близких друзей, накрытый в просторной приемной директорского кабинета.

Мы последуем за ними именно туда вместе с новыми директорами – господином Арманом Моншарменом и Фирменом Ришаром. Ужин почти удался, было множество тостов, в чем особенно преуспел представитель правительства, до небес превозносивший то славу прошедших лет, то будущие успехи, так что вскоре воцарилась весьма радушная атмосфера. Передача директорских полномочий состоялась накануне без особых церемоний, и оставшиеся вопросы и неясности между старой и новой дирекцией были успешно решены при участии представителя правительства, поскольку стороны жаждали прийти к соглашению, поэтому неудивительно, что на том памятном вечере не было лиц более сияющих, чем у всех четырех директоров.

Экс-директора уже вручили Моншармену и Ришару два крохотных ключика, которые, как волшебная палочка, открывали все двери Национальной академии музыки – а их тысячи. Эти ключики – предмет всеобщего любопытства – переходили из рук в руки, когда в конце стола возникло то самое фантастическое бледное лицо с провалами глазниц, которое уже появлялось этим вечером в фойе балета и было встречено криком малышки Жамм «Призрак Оперы!».

Последний сидел как ни в чем не бывало, как и прочие приглашенные, только ничего не пил и не ел.

Те, кто сначала поглядывали на него с улыбкой, потом стали отводить глаза – это зрелище навевало слишком мрачные мысли. Никто не пытался шутить, никто не выкрикивал: «Вот „Призрак Оперы!“».

Он не произнес ни слова, и его соседи по столу не могли бы сказать в точности, когда подсел к ним этот странный субъект, но каждый подумал, что если бы мертвые садились иногда за стол живых, то они не выглядели бы более мрачно. Друзья Ришара и Моншармена решили, что этого исхудавшего гостя пригласили господа Дебьен и Полины, тогда как приглашенные бывших директоров подумали, что этот «труп» принадлежит к окружению Ришара и Моншармена. Таким образом, ни один нескромный вопрос, ни одно неловкое замечание или шутка дурного тона не обидели гостя из загробного мира. Некоторые из присутствующих слышали легенду о Призраке и рассказ старшего рабочего сцены, о смерти которого они еще не знали, и нашли, что человек, который сидел в конце стола, вполне мог сойти за живое воплощение легендарного образа, созданного неистребимым суеверием служащих Оперы. Однако согласно легенде у Призрака носа не было, а молчаливый гость его имел, хотя в своих «Воспоминаниях» Моншармен утверждает, что нос странного сотрапезника был прозрачен. «У него был нос, – пишет он, – длинный, тонкий и прозрачный», а я бы добавил, что нос этот мог быть и фальшивым. Господин Моншармен мог счесть прозрачным всего лишь то, что не блестело. Наука – и это всем известно – способна делать великолепные накладные носы для тех, кто их лишен от природы или утратил по какой-то причине.

Но действительно ли в ту ночь на банкет директоров без приглашения явился призрак? И можно ли утверждать, что это лицо принадлежало самому Призраку Оперы? Кто осмелится сказать это наверняка? Я говорю об этом не потому, что намерен заставить читателя хотя бы на секунду поверить в такую невероятную наглость Призрака Оперы, а потому лишь, что не исключаю такой возможности.

И вот тому достаточное подтверждение. Арман Моншармен пишет буквально следующее (глава 11): «Вспоминая тот первый вечер, я не могу разделить впечатления от признания, которое нам сделали в директорском кабинете господа Дебьен и Полины, и от присутствия на ужине загадочного субъекта, которого никто из нас не знал».

Вот что в точности произошло.

Дебьен и Полиньи, сидевшие в центре стола, еще не обратили внимания на человека с черепом вместо головы, когда тот вдруг заговорил.

– Корифейки правы, – сказал он. – Смерть этого бедняги Бюкэ, возможно, не столь естественна, как об этом думают.

– Бюкэ мертв? – вскричали разом экс-директора, вскакивая с места.

– Да, – спокойно ответил загадочный человек, вернее, тень человека. – Его нашли повешенным сегодня вечером на третьем подземном этаже, между стойкой и декорациями к «Королю Лахорскому».

Оба директора, а вернее, экс-директора привстали и удивленно уставились на говорившего. Их реакцию трудно было объяснить только известием о смерти старшего рабочего сцены. Они переглянулись и стали блее скатерти. Наконец Дебьен сделал знак Ришару и Моншармену, Полиньи извинился перед гостями, и все четверо прошли в директорский кабинет. Здесь я снова предоставляю слово господину Моншармену.

«Господа Дебьен и Полиньи казались все более взволнованными, – пишет он в своих мемуарах, – и нам показалось, что они хотели сообщить нечто, что их сильно беспокоило. Сначала они спросили, знаком ли нам человек, сидевший в конце стола и сообщивший о смерти Жозефа Бюкэ, и после нашего отрицательного ответа их волнение лишь усилилось. Они взяли у нас ключи, внимательно посмотрели на них, покачивая головами, потом посоветовали нам тайно заказать новые замки для апартаментов, кабинетов и других помещений, полную безопасность которых мы хотели бы гарантировать. Все это выглядело так забавно, что мы рассмеялись и спросили: неужели в Опере водятся воры? Они отвечали, что в Опере есть кое-что похуже – *Призрак*. Мы снова стали смеяться, уверенные, что это – шутка, которая должна была увенчать дружеский ужин. Затем по их просьбе мы вернулись к серьезному тону и приготовились поддержать шутку, чтобы доставить им удовольствие. Тогда они признались, что никогда не стали бы говорить с нами о Призраке, если бы не получили от него самого категорического приказа внушить нам, что мы должны быть с ним любезны и должны выполнять все его просьбы и требования. Слишком счастливые оттого, что покидают место, где безраздельно царит эта жуткая тень, от которой они теперь избавились, Дебьен и Полиньи до самого последнего момента не решались рассказать нам о столь любопытных событиях, к которым наши скептические умы явно не были готовы, однако известие о смерти Жозефа Бюкэ жестоко напомнило им, что всякий раз, когда Призраку в чем-то отказывали, в Опере случалось что-нибудь фантастическое или ужасное, в очередной раз напоминавшее им об их зависимости.

На протяжении этого монолога, произнесенного самым таинственным и приглушенным голосом, я не сводил глаз с Ришара. В студенческие годы он имел репутацию шутника, знающего тысячу и один способ подшучивать над людьми, и прославился своими шутками среди консьержек бульвара Сен-Мишель. Я видел, что он с искренним удовольствием наслаждается блюдом, которым его угощали бывшие директора, хотя приправа к нему была несколько горька из-за смерти Бюкэ. Он печально покачивал головой с сочувственным видом человека, который горько сожалел о том, что в Опере поселился Призрак. И мне ничего не оставалось, как покорно следовать его примеру. Однако, несмотря на наши усилия, мы в конце концов не удержались и расхохотались прямо в лицо Дебьену и Полиньи, которые, поразившись столь резкому переходу от самого мрачного состояния к самой наглой веселости, в свою очередь сделали вид, будто поверили в то, что мы потеряли рассудок.

Шутка слегка затянулась, и Ришар полушутя спросил:

– И чего же он наконец желает, этот Призрак?

Господин Полиньи направился к своему столу и достал оттуда копию технических требований. Требования начинались такими словами:

«Дирекция Оперы обязана обеспечивать представления Национальной академии музыки великолепие, приличествующее главной французской музыкальной сцене».

И заканчивался статьей 98, гласившей:

«Указанная привилегия может быть отобрана в том случае, если директор не выполняет условия, оговоренные в технических требованиях».

Далее следовал перечень.

По словам Моншармена, это была аккуратно переписанная черными чернилами копия официального документа. Мы увидели, что в конце копии Моншармена, в отличие от нашей, был абзац, написанный красными чернилами, неровным, изломанным почерком, как будто ребенок, который еще не научился соединять буквы, нацарапал его спичкой. Этот абзац – продолжение статьи 98 – гласил буквально следующее:

«Если директор более чем на пятнадцать дней задерживает ежемесячное содержание, которое он обязан выплачивать Призраку Оперы, то оно до нового распоряжения устанавливается в сумме 20 тысяч франков в месяц, или 240 тысяч в год».

Господин де Полиньи дрожащим пальцем ткнул в этот заключительный пункт, который, разумеется, весьма удивил нас.

– И это все? *Он* больше ничего не хочет? – спросил Ришар со всем хладнокровием, на которое был способен.

– Нет, не все, – коротко ответил Полиньи, перелистал тетрадку и зачитал:

– «Статья 63. Большая литерная ложа № 1 первого яруса правой стороны зарезервирована на все представления для главы государства.

Ложа бенуара № 20 по понедельникам и ложа первого яруса № 30 по средам и пятницам предоставлены в распоряжение министра.

Вторая ложа № 27 зарезервирована на каждый день для префектов департамента Сены и для префекта полиции.»

И снова, в конце этой статьи, Полиньи указал на добавленную красными чернилами строчку:

«Ложа № 5 первого яруса на все представления передается в распоряжение Призрака Оперы».

Дослушав последний пункт, мы дружно встали и горячо пожали руки нашим предшественникам, поздравляя их с такой прелестной шуткой, доказывающей, что старое доброе французское стремление повеселиться сохранило права гражданства. Ришар даже счел нужным добавить, что теперь он понимает, почему господа Дебьен и Полиньи покидают Национальную академию музыки. Ведь с таким требовательным Призраком дела вести невозможно.

– Разумеется, – не моргнув глазом ответил Полиньи. – Двести сорок тысяч франков на дороге не валяются. А вы подсчитайте, какие убытки нам принесло резервирование за Призраком ложи № 5 на все представления. А ведь мы должны оплачивать еще и абонемент. Это же непостижимо! Мы не можем работать, чтобы содержать призраков. Поэтому мы предпочитаем уйти.

– Да, – подтвердил Дебьен. – Мы предпочитаем уйти! И мы уходим! – И он поднялся.

Ришар заметил:

– Мне кажется, вы весьма добры с этим Призраком. Если бы я столкнулся с подобным субъектом, я бы, не сомневаясь, потребовал арестовать его.

– Но где? Но как? – хором воскликнули они. – Мы же его ни разу не видели!

– А когда он приходит в свою ложу?

– *Мы никогда не видели его в ложе.*

– Тогда сдавайте ее.

– Сдавать ложу Призрака! Попробуйте сами, господа!

На этом разговор был окончен, и мы все вчетвером вышли из директорского кабинета. Мы с Ришаром никогда *так не смеялись*».

IV. Ложа № 5

Арман Моншармен написал такую толстую книгу воспоминаний о довольно долгом периоде своего содиректорства, что начинаешь задумываться: было ли у него время заниматься Оперой, кроме того, что он писал о происходящем в ее стенах? Господин Моншармен не знал ни одной ноты, однако был на «ты» с министром народного образования и изящных искусств, когда-то работал журналистом в бульварной газете и, кроме того, обладал большим состоянием. Наконец, он был обаятельным человеком, не лишенным ума, поскольку, решившись финансировать Оперу, сумел выбрать себе надежного компаньона – Фирмена Ришара.

Фирмен Ришар был тонкий музыкант и порядочный человек. Вот что писали о нем в «Театральном обозрении» в момент вступления в должность:

«Господину Фирмену Ришару около 50 лет. Это человек высокого роста, крепкого телосложения, но не полный. Он обладает представительной осанкой, изысканными манерами, румянцем во всю щеку, густыми, коротко подстриженными волосами и такой же бородой. В выражении лица проглядывает что-то грустное, но это впечатление смягчается прямым и честным взглядом и обаятельной улыбкой. Господин Фирмен Ришар – очень талантливый музыкант, мастер гармонии, умелый контрапунктист. Мощь и размах – вот главные признаки его сочинений. Он опубликовал камерные сочинения, высоко ценимую любителями музыку для фортепиано, сонаты и виртуозные сочинения, исполненные оригинальности, и составил целый альбом пьес для фортепиано. Наконец, „Смерть Геркулеса“, исполняемая на концертах в Консерватории, дышит эпической страстью, заставляющей вспоминать Глюка, одного из любимых композиторов господина Фирмена Ришара. Он обожает Глюка, но не меньше любит и Пиччини. Господин Ришар получает удовольствие везде, где его находит. Восхищаясь Пиччини, он склоняется перед Мейербером, наслаждается музыкой Чимарозы, и никто так высоко, как он, не ценит неповторимый гений Вебера. Наконец, в отношении Вагнера господин Ришар готов утверждать, что он понял его первым, а может быть и единственным, во Франции».

Остановимся здесь, поскольку эта цитата свидетельствует, что Фирмен любил почти всю музыку и всех музыкантов, все музыканты были обязаны любить Фирмена Ришара. В заключение этого короткого портрета добавим, что господин Ришар был, что называется, властным человеком, т. е. обладал очень дурным характером.

Первые дни пребывания в Опере оба компаньона радовались, ощущая себя хозяевами столь большого и прекрасного предприятия, и совершенно забыли странную и непонятную историю с Призраком, как вдруг произошло событие, которое показало, что шутка – если это была шутка – далеко не окончена.

В то утро господин Ришар явился в кабинет в одиннадцать часов; господин Реми, его секретарь, показал ему полдюжины писем, которые он не вскрывал, поскольку на конвертах была пометка «личное». Одно из них сразу привлекло внимание Ришара не только потому, что конверт был надписан красными чернилами, но и потому еще, что почерк показался ему знакомым. Он сразу вспомнил, что именно эти красные письма так странно заполняли страницы перечня обязанностей. Он распечатал письмо и прочитал:

«Уважаемый директор, прошу прощения за то, что побеспокоил вас в эти драгоценные минуты, когда вы вершите судьбу лучших артистов Оперы, когда вы возобновляете прежние контракты и заключаете новые, причем делаете это уверенно, со знанием театра и публики, ее вкусов, с решительностью, которая меня изумила. Я знаю, как много вы сделали для Карлотты, Сорелли и мальчики Жамм и для некоторых других, в ком вы угадали замечательные качества, талант или дар (вам хорошо известно, кого я имею в виду, – разумеется, не Кар-

лотту, которая поет, как шрапнель, и которой не следовало уходить ни из кафе „Амбассадор“, ни из „Жакен“, не Сорелли, которая пользуется успехом главным образом у извозчиков, и не малышку Жамм, танцующую как корова на лугу. Я имею в виду Кристину Даэ, чей дар бесспорен и которую, кстати, вы ревниво отводите от любой важной роли). В конце концов, вы вольны распоряжаться в своем учреждении по своему усмотрению, не так ли? И все-таки я хотел бы воспользоваться тем, что Кристине Даэ еще не указали на дверь, и послушать ее нынче вечером в партии Зибеля, поскольку партия Маргариты после ее недавнего триумфа ей заказана; и в связи с этим прошу вас не занимать мою ложу ни сегодня, ни в последующие дни. Я не могу закончить письма, не заметив вам, как неприятно я был поражен тем, что моя ложа была сдана по вашему распоряжению.

Впрочем, я не протестовал: прежде всего потому, что я сторонюсь скандалов, и, во-вторых, потому, что ваши предшественники, господа Дебьен и Полиньи, которые всегда были любезны со мной, возможно по рассеянности, забыли предупредить вас о моих маленьких слабостях. Но я только что получил от этих господ ответ на мою просьбу объяснить, и этот ответ убедил меня, что вы ознакомлены с моими техническими требованиями и, следовательно, намеренно надо мной насмехаетесь. Если хотите жить со мной в мире, не стоит прежде всего отбирать у меня ложу. С оглядкой на эти маленькие замечания разрешите, уважаемый директор, заверить, что я являюсь вашим преданным и покорным слугой.

Подпись: П. Оперы».

Письмо сопровождалось объявлением, вырезанным из «Театрального обозрения»:

«П. О., виноваты Р. и М. Мы их предупредили и передали им технические требования. Искренне ваши!»

Едва Фирмен Ришар успел дочитать эти строки, как открылась дверь кабинета и перед ним предстал Арман Моншармен с совершенно таким же письмом в руке, как то, которое получил его коллега. Переглянувшись, они расхохотались.

– Итак, шутка продолжается, – сказал господин Ришар, – но это уже не смешно!

– Что это значит? – удивился господин Моншармен. – Неужели *они* думают, что, если они были директорами Оперы, мы отдадим им ложу до скончания веков?

И тот и другой нисколько не сомневались в том, что оба послания были делом рук их предшественников.

– Мне не улыбается так долго служить мишенью для глупых шуток, – заявил Фирмен Ришар.

– В этом же нет ничего обидного, – заметил Арман Моншармен.

– Кстати, чего они хотят? Ложу на сегодняшний вечер?

И Фирмен Ришар отдал распоряжение секретарю немедленно передать ложу № 5 первого яруса господам Дебьену и Полиньи, если она еще не сдана.

Ложа была свободна, и абонемент был немедленно отправлен. Господин Дебьен жил на углу улицы Скриба и бульвара Капуцинов, господин Полиньи – на улице Обера. Кстати, оба письма Призрака были отправлены с почты на бульваре Капуцинов; это заметил Моншармен, внимательно рассмотрев конверты.

– Вот видишь, – заметил Ришар.

Компаньоны пожали плечами, посетовав на то, что солидные пожилые люди все еще развлекаются, как дети.

– Все-таки они могли быть повежливее, – заметил Моншармен. – Смотри, как они отчитывают нас за Карлотту, Сорелли и малышку Жамм!

– Чего уж там, эти люди просто больны от ревности... Подумать только: даже заплатили за объявление в «Театральном обозрении». Неужели им больше нечего делать?

– Кстати! – сказал Моншармен. – Кажется, их весьма интересует малышка Кристина Даэ...

– Ты не хуже меня знаешь, что у нее репутация честной девушки, – ответил Ришар.

– Репутация нередко бывает и ложной, – сказал Моншармен. – Вот у меня репутация знатока музыки, а я не знаю, чем отличается скрипичный ключ от басового.

– Успокойся! У тебя никогда не было такой репутации, – заявил Ришар.

Потом Ришар велел привратнику выпустить артистов, которые вот уже два часа прогуливались по длинному коридору перед директорской приемной, ожидая, когда откроется дверь, за которой их ждали слава и деньги... или отставка.

Весь день прошел в дискуссиях, переговорах, директора подписывали и разрывали контракты, так что можете себе представить, как они утомились в тот вечер – вечер 25 января – после сумасшедшего дня, наполненного истериками, интригами, рекомендациями, угрозами, протестами, признаниями в любви и в ненависти. Они рано легли спать, даже не заглянув в ложу № 5 и не полюбопытствовав, понравился ли спектакль господам Дебьену и Полиньи. Опера вовсе не бездействовала после ухода бывших директоров, т. к. господин Ришар приказал приступить к некоторым необходимым работам, не прекращая давать представления. На следующее утро Ришар и Моншармен обнаружили среди корреспонденции, во-первых – каждый из них – открытку от Призрака:

«Уважаемый директор!

Очень благодарен. Чудесный вечер. Даэ восхитительна. Обратите внимание на хор. Карлотта – превосходный, но банальный инструмент. Позже напишу вам по поводу суммы 240 тысяч, если быть точным – 233 424 франка 70 су, потому что господа Дебьен и Полиньи переслали мне 6575 франков и 30 сантимов за первые десять дней текущего года в связи с тем, что их полномочия истекали 10 числа, вечером.

Ваш. слуга, П. О.».

Во-вторых, пришло письмо от господ Дебьена и Полиньи:

«Господа!

Спасибо за оказанное нам внимание, но сами понимаете, что перспектива еще раз послушать „Фауста“, как бы это ни было приятно для бывших директоров Оперы, не мешает нам напомнить, что мы не имеем никакого права занимать ложу № 5 первого яруса, которая принадлежит исключительно тому, о ком мы с Вами уже говорили, читая последний абзац статьи 63.

Примите наши уверения и пр.».

– Эта пара уже начинает мне надоедать! – сердито заметил Ришар, разрывая на клочки письмо Дебьена и Полиньи.

И в тот же вечер ложа № 5 была сдана.

На следующий день, зайдя в свой кабинет, господа Ришар и Моншармен нашли на столе рапорт инспектора, касающийся событий, которые произошли накануне вечером в ложе № 5 первого яруса. Вот основной пассаж из этого рапорта:

«Я был поставлен перед необходимостью вызвать сегодня вечером (инспектор писал свой рапорт накануне) жандарма и дважды – в начале и в середине второго акта – освободить ложу № 5 первого яруса. Находившиеся в ней зрители, которые, кстати, явились только ко второму акту, устроили настоящий скандал, смеялись и отпускали нелепые замечания. Со всех сторон раздались шикания, и зал начал возмущаться; когда за мной послала билетерша, я зашел в ложу

и сделал им необходимые замечания. Нарушители, по-моему, были немного не в себе и завели со мной странные разговоры. Я предупредил их, что, если подобное повторится, мне придется освободить ложу. Не успел я выйти, как снова услышал смех в ложе и шумные протесты в зале. Я позвал жандарма, и тот вывел их. Они возражали, продолжая смеяться, и заявили, что не уйдут, пока им не возвратят деньги. Наконец они успокоились, и я позволил им снова войти в ложу, но смех тут же возобновился, и на этот раз мы выставили нарушителей окончательно».

– Пусть пошлют за инспектором! – крикнул Ришар, обращаясь к секретарю, который первым прочитал рапорт и снабдил его примечаниями, написанными синим карандашом.

В обязанности секретаря, господина Реми, двадцати четырех лет, с усиками в ниточку, элегантного, изысканного, всегда прекрасно одетого (в те времена днем обязательно было надевать редингот), умного и весьма скромного в присутствии директора, который ему выплачивал жалованье 2400 франков в год, входило: просматривать газеты, отвечать на письма, распределять ложи и пригласительные билеты, договариваться о встречах, беседовать с посетителями, ожидающими в приемной, навещать больных артистов, искать им замену, связываться с руководителями отдельных служб; но прежде всего он служил преградой на пути нежелательных визитеров. Помимо всего прочего, ему постоянно приходилось быть начеку, чтобы – не дай Бог! – не оказаться неугодным и выброшенным за дверь без всякой компенсации, т. к. он не был признан администрацией. И вот секретарь, который уже давно отдал приказание найти инспектора, распорядился ввести его в кабинет.

– Расскажите-ка, что там произошло вчера? – резко спросил Ришар. Взмолванный инспектор что-то промямлил в ответ и упомянул свой рапорт.

– Но почему все-таки эти люди смеялись? – спросил Моншармен.

– Господин директор, они, должно быть, плотно отобедали и скорее были склонны шутить, чем слушать хорошую музыку. Едва войдя в ложу, они покинули ее и позвали билетершу. Они сказали: «Посмотрите внимательно. Ведь здесь никого нет, так?» – «Никого», – ответила билетерша. «Ну так вот, – заявили они, – когда мы вошли, мы услышали чей-то голос, который сообщил, что здесь кто-то есть».

Господин Моншармен не мог без улыбки смотреть на господина Ришара, но тот вовсе не был расположен к смеху. Некогда он сам проделывал подобные трюки, чтобы не распознать в наивном докладе инспектора все признаки одной из тех злых шуток, которые вначале забавляют их жертв, но потом приводят в ярость.

Пытаясь подольститься к Моншармену, инспектор счел своим долгом тоже улыбнуться. Жалкая попытка! Тут же взгляд Ришара пригвоздил его к месту, и бедняга поспешил принять сокрушенный вид.

– В конце концов, – загремел Ришар, – когда они вошли в ложу, там кто-нибудь был?

– Никого, господин директор! Совершенно никого! Ни в ложе справа, ни в ложе слева, клянусь вам.

Готов руку над огнем держать, что никого там не было. Так что это была лишь шутка.

– А билетерша, что она сказала?

– О! Тут все просто. Она сказала, что это Призрак Оперы. Вот так-то!

И инспектор ухмыльнулся, однако тут же осознал свою ошибку: так как не успел он произнести слова: «Она сказала, что это Призрак Оперы!» – как и без того сумрачное лицо господина Ришара стало просто свирепым.

– Пошлите за билетершей! – приказал он. – Немедленно! Приведите ее ко мне! И выпроводите всю эту толпу за дверь!

Инспектор хотел возразить, но Ришар заткнул ему рот грозным:

– Замолчите!

Затем, когда губы несчастного подчиненного, казалось, сомкнулись навеки, господин директор приказал им снова открыться.

– Что значит «Призрак Оперы»? – проворчал Ришар.

Однако инспектор уже был не в состоянии произнести ни слова. Отчаянно жестикулируя, он дал понять, что ничего об этом не знает, а скорее – не желает знать.

– Вы сами-то хоть видели этого Призрака? Инспектор энергично затряс головой, отрицая этот факт.

– Тем хуже! – холодно заявил Ришар.

Инспектор вытаращил глаза, которые, казалось, вот-вот вылезут из орбит; он безмолвно вопрошал: почему господин директор произнес это мрачное «тем хуже!»?

– Потому что я уволю всех, кто его не видел, – объяснил господин директор. – Поскольку он снует повсюду, недопустимо, чтобы его нигде не видели! Я люблю, чтобы каждый занимался своим делом!

V. Ложа № 5 (Продолжение)

Высказав это, Ришар потерял всякий интерес к инспектору и принялся обсуждать другие дела с вошедшим администратором. Инспектор решил, что может уйти, и потихоньку, потихоньку, пятясь, приблизился к двери, когда господин Ришар, заметив этот маневр, пригвоздил его к месту громовым окриком:

– Стоять!

Стараниями господина Реми срочно призвали билетершу, которая состояла еще и консьержкой на улице Прованс в двух шагах от Оперы. Вскоре она вошла в кабинет.

– Как вас зовут?

– Мамаша Жири. Вы ж меня знаете, господин директор: я мать малышки Жири, малышки Мэг, если хотите.

Суровый и торжественный тон этого заявления произвел впечатление на господина Ришара. Он оглядел мадам Жири – выцветшая шаль, стоптанные туфли, старенькое платье из тафты, шляпа цвета копоти. Выражение лица Ришара свидетельствовало о том, что он вообще не знал и не помнил ни мамашу Жири, ни малышку Жири, ни даже малышку Мэг. Однако гордость мадам Жири была такова, что она полагала: ее должны знать все. Мне сдается, что от ее имени произошло «giries»⁵, ходовое словечко в закулисном жаргоне. Пример: если певица упрекает свою подругу за любовь посплетничать, то она скажет ей: «Все это просто „giries“».

– Не помню такой, – возвестил наконец господин директор. – Но все равно расскажите, мадам Жири, как получилось, что вчера вечером вам с господином инспектором пришлось прибегнуть к услугам жандарма?

– Да я и сама хотела поговорить об этом, господин директор, чтобы с вами не случилось таких неприятностей, как с господами Дебьеном и Полиньи... Они-то ведь тоже не хотели меня сперва слушать...

– Я вас спрашиваю не об этом. Я хочу знать, что случилось вчера вечером.

Мамаша Жири раскраснелась от возмущения. С ней никогда еще не разговаривали подобным тоном. Она встала, будто бы собираясь уйти, и уже начала поправлять юбку и с достоинством потряхивать перьями на шляпке цвета копоти, но потом передумала, снова села и высокомерно сказала:

– А то случилось, что опять обидели нашего Призрака!

Ришар едва не взорвался, но тут вмешался Моншармен; перехватив инициативу допроса, он выяснил, что билетерша находит вполне естественным, когда голос из совершенно пустой ложи заявляет, что она занята. Она могла объяснить этот феномен, который, кстати, не был для нее новостью, единственно присутствием Призрака в ложе. Этого Призрака никто ни разу не видел, зато слышали его многие, да она и сама часто его слышала, а уж ей-то можно верить, потому что мадам Жири никогда не лжет. Спросите у господ Дебьена и Полиньи и вообще у всех, кто ее знает, а также у господина Исидора Саака, которому Призрак сломал ногу.

– Ну да! – перебил ее Моншармен. – Призрак сломал ногу бедняге Исидору Сааку?

Мамаша Жири широко открыла глаза, пораженная таким непроходимым невежеством. Наконец она снисходительно согласилась просветить несчастных. Так вот, это случилось во времена Дебьена и Полиньи, и опять-таки в ложе № 5, и снова во время представления «Фауста».

---

⁵ Giries (фр.) – неестественность, кривляние (жарг.)

Билетерша откашлялась, попробовала голос и завела... Казалось, она намеревается спеть всю партитуру оперы Гуно.

– Значит, так, мусье. На том спектакле в первом ряду сидел господин Маньера со своей дамой, ювелир-огранщик с улицы Могадор, а позади мадам Маньера – их близкий друг Исидор Саак. Мефистофель пел (*мамаша Жири спела эту строчку*): «Вы одурманили...» И вот тут Маньера слышит справа (его жена сидела слева) голос, который говорит ему: «Ха, ха! Наша Жюли не стала бы одурманивать!» (Мадам Маньера как раз и звали Жюли.) Господин Маньера поворачивается направо посмотреть, кто с ним разговаривает. Никого! Он потер ухо и пробормотал: «Неужели почудилось?» А тем временем Мефистофель продолжает петь... Но может быть, я вас утомила, господа?

– Нет-нет! Продолжайте!

– Господа директора очень любезны. – Мамаша Жири скорчила гримасу. – Так вот, Мефистофель продолжает петь. – И она снова затянула: «Катрин, обожаю! К чему твой отказ? Любовник хорош, целуй же его!» – И тут Маньера слышит, опять в правом ухе, тот же голос: «Ха! Ха! Жюли не отказалась бы поцеловать Исидора». Он снова поворачивается – теперь уже в сторону Жюли и Исидора, и что же он видит? А видит он Исидора, который держит его жену за локоток и покрывает поцелуями ее руку... Вот так, господа хорошие. – *И мамаша Жири с жаром поцеловала краешек обнаженной руки над своей перчаткой из шелка-сырца.* – Ну, а потом... Можете себе представить, что это ему даром не прошло! Господин Маньера – здоровый и сильный, вот как вы, месье Ришар, – залепил господину Исидору Сааку пару хороших оплеух, а Исидор – худой и слабый, вот как вы, господин Моншармен, хотя я очень уважаю его. Это был скандал. В зале кричат: «Остановить! Остановить! Он убьет его!» Наконец Исидору удалось сбежать...

– Так Призрак все-таки не сломал ему ногу? – спросил Моншармен, немного оскорбленный тем, что его телосложение произвело столь малое впечатление на мадам Жири.

– Сломал, мусье, – высокомерно ответила мадам Жири, так как поняла оскорбительное намерение директора. – Сломал совсем, когда наш Исидор слишком быстро бежал по парадной лестнице, мусье! Да так сломал, бедняга, что не скоро он сможет по ней еще раз подняться!..

– Значит, это Призрак рассказал вам о том, что он шептал в правое ухо господина Маньера? – осведомился Моншармен с серьезным видом настоящего следователя, забавляясь от души.

– Нет, мусье. Это сам господин Маньера...

– Но вы-то сами разговаривали с Призраком, милая дама?

– Вот так же, как сейчас с вами, мил господин...

– И что он вам говорил?

– Ну, он просил принести ему скамеечку для ног.

При этих словах, произнесенных торжественным тоном, лицо мадам Жири стало такого цвета, как желтоватый с красными прожилками мрамор колонн, которые поддерживают большую парадную лестницу, – мрамор этот еще называют пиренейским.

Только теперь Ришар вместе с Моншарменом и секретарем Реми разразился громовым хохотом. Инспектор, памятуя горький опыт, не смеялся. Опершись спиной о стену и лихорадочно перебирая в кармане ключи, он гадал, чем кончится эта история. Чем более спесиво держалась мамаша Жири, тем больше он опасался вспышки директорского гнева. Но неожиданно, видя, как веселятся директора, мамаша Жири разошлась не на шутку.

– Вместо того чтобы смеяться, господа, – с негодованием воскликнула она, – вам бы лучше последовать примеру господина Полиньи, который сам убедился...

– Убедился в чем? – переспросил Моншармен, который никогда еще так не веселился.

– В том, что Призрак существует! Ну я же вам говорю... Слушайте! – *Она вдруг успокоилась, осознав важность момента.* – Я все помню так, будто это было только вчера. В тот раз

давали «Жидовку». Господин Полиньи захотел сидеть в ложе Призрака один. Госпожа Краус имела огромный успех. Она уже спела эту арию – ну вы знаете, из второго акта. – И мамаша Жири вполголоса напела:

Хочу с тобой, любимый мой,
Я жить и умереть.
И верю я, любимый мой,
Нас не разлучит смерть.

– Хорошо-хорошо! Я понял, – кисло улыбнулся господин Моншармен.
Однако мадам Жири продолжала, покачивая перьями на своей шляпе цвета копоти:

Умчимся в край небесно-голубой,
Одна судьба связала нас с тобой.

– Да! Да! Нам все ясно, – повторил в нетерпении Ришар. – Ну и что дальше?

– А дальше Леопольд кричит: «Бежим!» – а Элеазар их останавливает и спрашивает: «Куда спешите вы?» Так вот, как раз в этот самый момент господин Полиньи – я видела это из соседней ложи, которая оставалась свободной, – встает и выходит прямой как статуя. Я только успела спросить его, точно так же как Элеазар: «Куда спешите вы?» Но он мне даже не ответил, он был бледен как смерть! Я видела, как он спускался с лестницы, правда, ногу он не сломал... Шел будто во сне, в дурном сне, только не мог отыскать дорогу, а ему ведь платили за то, чтобы он хорошо знал Оперу!

Вот что сказала мамаша Жири и замолчала, чтобы оценить произведенное ею впечатление. Моншармен в ответ на историю Полиньи лишь покачал головой.

– Однако все это не объясняет, как и при каких обстоятельствах Призрак Оперы попросил у вас скамеечку, – продолжал допытываться Моншармен, глядя глаза в глаза билетерше.

– Ну, это с того самого вечера, потому что тогда-то и оставили в покое нашего Призрака... Больше не пытались отобрать у него ложу. Господа директора распорядились оставить эту ложу для него на все представления. И когда он приходил, он просил у меня скамеечку.

– Хо! Хо! Призрак просил скамеечку! Выходит, ваш Призрак – женщина?

– Нет, Призрак – мужчина.

– Откуда вы знаете?

– У него мужской голос, очень приятный! Вот как обычно бывает: он приходит в Оперу чаще всего в середине первого акта и тихо стучит три раза в дверь ложи номер пять. Когда я в первый раз услышала этот стук, я хорошо знала, что в ложе никого нет, так что можете себе представить, как я была озадачена. Открываю дверь, вслушиваюсь, всматриваюсь – никого! И тут услышала голос: «Мамаша Жюль (это фамилия моего покойного мужа), будьте добры, принесите мне скамеечку». С вашего позволения, мусье директор, я просто расквасилась... Но голос продолжал: «Не пугайтесь, мамаша Жюль, это я, Призрак Оперы!» Я посмотрела в ту сторону, откуда доносился голос, который, между прочим, был такой приятный и располагающий, что я уже почти перестала бояться. Голос этот, мусье директор, *сидел в первом ряду справа*. Хотя я в кресле никого и не увидела, могу поклясться, что кто-то был, и кто-то весьма любезный, уж можете мне поверить.

– А ложа справа от ложи номер пять не была занята? – спросил Моншармен.

– Нет, ни ложа номер семь справа, ни ложа номер три слева. Спектакль только начинался.

– И что вы сделали?

– Принесла скамеечку. Наверняка он просил ее не для себя, а для дамы. Но эту даму я не видела и не слышала.

Каково! Теперь оказывается, у Призрака есть женщина! Взгляды господ Моншармена и Ришара скрестились на инспекторе, который стоял за спиной билетерши и размахивал руками, пытаясь привлечь к себе внимание директоров. Когда они посмотрели на него, он красноречивым жестом покрутил пальцем у виска – жест этот означал, что мамаша Жири была явно не в себе. Эта пантомима окончательно укрепила решение господина Ришара: расстаться с инспектором, который держит у себя работников, страдающих галлюцинациями. А женщина между тем продолжала, расхваливая щедрость Призрака:

– После спектакля он всегда мне дает монету в сорок су, иногда сто су, а несколько раз, после того как его не бывало по несколько дней, я получала даже десять франков. А теперь, когда ему опять начали досаждать, он мне больше ничего не дает...

– Простите, моя дорогая. – (И мамаша Жири снова потрянула своей серой шляпкой с пером, возмущенная такой фамильярностью.) – Простите, но как Призрак вручает вам эти сорок су? – спросил от рождения любопытный Моншармен.

– Да он просто-напросто оставляет их на полочке в ложе, и я забираю их вместе с программой, которую всегда приношу ему. Иногда я там нахожу даже цветы, например розу, наверняка выпавшую из-за корсажа его дамы. Да, я уверена, что иногда он приходит с женщиной, потому что однажды они оставили веер.

– Вот как? Призрак забыл веер? И что вы с ним сделали?

– Ничего. На следующем спектакле вернула его. В этот момент инспектор произнес:

– Вы нарушили правила, мамаша Жири, и я наложу на вас штраф.

– Замолчите, глупец! – пророкотал господин Фирмен Ришар басом.

– Вы вернули веер. Ну а дальше?

– А дальше они забрали его, мусье директор, после спектакля его там уже не было, и вместо него они оставили коробку с английскими конфетами, которые я просто обожаю. Это одна из любезностей Призрака.

– Хорошо, мамаша Жири. Вы можете идти.

Когда билетерша с достоинством, никогда ее не покидавшим, попрощалась с директорами, они объявили инспектору, что необходимо отказаться от услуг этой сумасшедшей старухи. После этого они отпустили инспектора. Когда он вышел, не переставая уверять в своей преданности театру, они предупредили администратора, что он должен дать расчет господину инспектору. Оставшись наконец одни, оба директора переглянулись – в голову обоим одновременно пришла одна и та же мысль: совершить маленькую прогулку в сторону ложи № 5.

Вскоре мы за ними последуем.

VI. Волшебная скрипка

Кристина Даэ, которой суждено было пасть жертвой интриг, к чему мы вернемся позже, не сразу закрепила триумф знаменитого гала-концерта. Однако ей представился случай выступить в доме герцогини Цюрихской и исполнять самые лучшие арии из своего репертуара, и вот что пишет о ней известный критик Х, бывший в числе почетных гостей:

«Когда мы слышим ее в „Гамлете“, мы спрашиваем себя: неужто сам Шекспир прибыл из Элизеума репетировать с ней партию Офелии. А когда ее голову венчает звездная диадема Царицы Ночи, с небес должен сойти Моцарт, чтобы услышать ее пение. Впрочем, не стоит тревожить композитора – высокий звонкий голос чудесной исполнительницы его „Волшебной флейты“ сам достигает Неба, взмывая туда с той же легкостью, с какой она перелетела из сельской хижины Скотеллофа во дворец из золота и мрамора, выстроенный господином Гарнье».

Но после вечера у герцогини Цюрихской Кристина больше не пела в свете и отклонила все приглашения и гонорары. Даже не выставив благовидного предлога, она отказалась появиться на благотворительном вечере, нарушив данное ранее обещание. Она действовала так, будто перестала быть хозяйкой своей судьбы, будто она боялась нового триумфа.

Кристине стало известно, что граф де Шаньи, желая сделать приятное своему брату, очень много хлопотал за нее перед господином Ришаром, и она написала графу письмо, в котором поблагодарила его за это, и попросила больше не говорить о ней с директорами. В чем же были причины столь странного поведения? Одни сочли, что все дело заключается в непомерной гордыне, другие – что в божественной скромности. Подобная скромность просто неуместна в театре!

Я полагаю, что Даэ просто-напросто испугалась свалившегося на нее как с неба триумфа и была изумлена им не менее, чем многие другие. Изумлена? Не то слово! У меня есть письмо Кристины (из архива Перса), в котором описываются те события. Так вот, прочитав его еще раз, я уже не могу сказать, что Кристина была просто изумлена или напугана своим триумфом: она была просто в ужасе. Да, да! В ужасе! «Я больше не узнаю себя, когда пою!» – пишет она.

Бедное, невинное, кроткое дитя!

Она нигде не появлялась, и виконт де Шаньи напрасно пытался встретиться с ней. Он написал ей, прося позволения навестить ее, и уже отчаялся ждать ответа, когда однажды утром получил такую записку:

«Сударь, я вовсе не забыла того маленького мальчика, который выловил мой шарф в море. Я должна написать вам об этом сегодня, когда уезжаю в Перрос, ради исполнения священного долга. Завтра годовщина смерти моего бедного папы, вы знаете, как он любил вас. Он похоронен там вместе со своей скрипкой, на кладбище, прилегающем к маленькой церкви, у подножия холма, где мы играли детьми, рядом с той дорогой, где мы, повзрослев, в последний раз простились друг с другом».

Виконт де Шаньи, прочтя записку Кристины, схватил расписание поездов, поспешно оделся, написал несколько строк, которые лакей должен был передать старшему брату, и вскочил в карету, с опозданием доставившую его к вокзалу Монпарнас, так что на утренний поезд он не успел.

Рауль провел тоскливый день, и вкус к жизни вернулся к нему лишь вечером, когда он устроился в своем вагоне. Всю дорогу он перечитывал записку Кристины, вдыхая запах ее духов и воскрешая нежный образ своей юности. Отвратительная ночь в поезде прошла в лихорадочном сне, началом и концом которого была Кристина Даэ. Уже светало, когда Рауль высадился в Ланьоне. Он побежал к дилижансу, отправлявшемуся в Перрос-Гирек. Он был

единственным пассажиром. На его расспросы кучер ответил, что накануне вечером молодая женщина, по облику парижанка, попросила отвезти ее в Перрос и сошла у постоялого двора под названием «Заходящее солнце». Она приехала одна. Рауль глубоко вздохнул. Наконец-то он может спокойно поговорить с Кристиной в уединенном месте. Он любил ее до беспамятства. Этот юноша, объехавший мир, оставался чист, как девушка, никогда не покидавшая материнского дома.

Приближая миг встречи с ней, он набожно вспоминал историю маленькой шведской певицы. Многие детали еще не были известны широкой публике.

Когда-то в маленькой деревушке в окрестностях Упсаалы жил крестьянин с семьей, который всю неделю возделывал землю, а по воскресеньям пел на клиросе в церкви. У крестьянина была дочка; еще до того, как она научилась читать, он научил ее разбирать нотную грамоту. Сам того не ведая, папаша Даэ был великим музыкантом. Он играл на скрипке и считался лучшим деревенским скрипачом во всей Скандинавии.

Слава его росла, его постоянно приглашали на свадьбы и праздники. Мать Кристины сошла в могилу, когда ей шел шестой год. Вслед за тем отец, который любил только свою дочь и музыку, продал свой участок земли и отправился искать счастья в Упсаалу. Но нашел там только нищету.

Тогда он возвратился в деревню и начал странствовать по ярмаркам, наигрывая скандинавские мелодии, а дочь, никогда не расстававшаяся с ним, с восторгом слушала его, аккомпанируя ему или напевая. Однажды на ярмарке в Лимби их обоих услышал профессор Валериус и взял с собой в Готенбург. Он утверждал, что отец – первый скрипач в мире и что у дочери задатки великой певицы. Он позаботился о ее воспитании и образовании. Девочка восхищала всех окружающих своей красотой, грацией и жадой совершенства. Она быстро училась, и когда профессору Валериусу и его жене потребовалось уехать жить во Францию, они взяли с собой Даэ и Кристину, с которой матушка Валериус обращалась как с дочерью. А вот отец девочки, он начал чахнуть и затосковал по родине. В Париже он никуда не выходил. Он жил будто во сне, где с ним была только его скрипка. Целыми часами он сидел в комнате вместе с дочерью, и оттуда слышались звуки скрипки и тихое пение. Иногда госпожа Валериус приходила послушать их под дверь, тяжело вздыхала, смахивала слезу и на цыпочках возвращалась к себе. И ее тоже не покидала ностальгия по скандинавскому небу.

Папаша Даэ приходил в себя только летом, когда все семейство выезжало на дачу в деревню, в Перрос-Гирек – уголок Бретани, в ту пору почти неизвестный парижанам. Он очень любил здешнее море, говоря, что оно того же цвета, что у него на родине, и, часто стоя на пляже, наигрывал свои самые печальные напевы и уверял, что море замолкает, чтобы их послушать. Потом он так умолял матушку Валериус, что та согласилась на новую прихоть бывшего деревенского скрипача.

Во время сельских праздников он, как когда-то, взял скрипку и ушел. Ему позволили взять с собой дочь на неделю. Люди не уставали их слушать. Они дарили гармонию жителям самых бедных деревушек на весь год и спали, отказываясь от кроватей на постоялых дворах, забираясь в солому и прижимаясь друг к другу, как в те времена в Швеции, когда были бедны.

Однако одеты они были довольно прилично, отказывались от денег, которые им давали, не собирали пожертвования, и слушатели никак не могли понять поведение этого скрипача, бродившего по дорогам с маленькой прелестной девочкой, которая пела, будто ангел, и ходили за ним из деревни в деревню.

Как-то раз городской мальчик, гулявший со своей гувернанткой, заставил ее проделать долгий путь, потому что никак не мог решиться расстаться с девочкой, чей голос, такой нежный и чистый, заморозил его. Так они пришли к бухточке, которая еще называется Трестару. В то время там были только небо, море и золотой песок. Еще там дул сильный ветер, который сорвал

шарф Кристины и унес его в море. Кристина вскрикнула, протянула руки, но легкий лоскут уже колыхался на волнах далеко от берега. И тут Кристина услышала голос, который сказал ей:

– Не волнуйтесь, мадемуазель, я достану ваш шарф из моря.

Она увидела мальчика, который бежал, бежал, несмотря на крики и протестующие возгласы одетой в черное женщины. Мальчик прямо в одежде бросился в воду и достал шарф. И мальчик, и шарф находились в весьма плачевном состоянии! Дама в черном никак не могла успокоиться, а Кристина смеялась от всего сердца и поцеловала мальчика. Это был виконт Рауль де Шаньи. В то лето он жил в Ланьоне со своей теткой. Все лето они встречались почти каждый день и играли вместе. По просьбе тетки и при посредничестве профессора Валериуса добрейший папаша Даэ согласился давать юному виконту уроки игры на скрипке. И Рауль полюбил те же напевы, что наполняли детство Кристины.

Строй их душ был схож: мечтательный, спокойный... Они обожали слушать невероятные истории, старые бретонские сказки, и главной их игрой было выпрашивать под дверями, как нищие: «Господа хорошие, расскажите нам, пожалуйста, какую-нибудь историю». Редко бывало так, что им ничего не «давали». А какая старая бретонка не видела хотя бы раз в жизни, как танцуют феи в вересковых зарослях при свете луны?

Но самое интересное происходило в сумерках, в тишине, после того как солнце уходило за море, – папаша Даэ садился возле них на обочине и негромким голосом, будто боялся спугнуть свои видения, рассказывал восхитительные, нежные, а бывало и страшные, легенды северной страны. Иногда они были прекрасны, как сказки Андерсена, иногда печальны, как песни великого поэта Рунеберга. Когда он умолкал, дети просили: «Еще!»

Была одна история, которая начиналась так:

«Однажды некий король плыл в своем маленьком челноке по одному из тех спокойных и глубоких озер, которые сверкают как глаза посреди норвежских гор...»

Или еще одна:

«Маленькая Лотта думала обо всем и не думала ни о чем. Летней птичкой она порхала в золотых солнечных лучах с весенней короной на белокурых волосах. Душа ее была такой же чистой и голубой, как ее глаза. Она любила свою мать, была верна своей кукле, заботилась о своем платье, красных туфельках и скрипке, но пуще всего она любила, засыпая, слышать Ангела Музыки».

Пока папаша Даэ рассказывал, Рауль разглядывал голубые глаза и золотистые волосы Кристины. А Кристина думала о том, как была счастлива маленькая Лотта, когда засыпала и слышала Ангела Музыки. У папаши Даэ почти не было историй, в которых не присутствовал бы Ангел Музыки, и дети без конца просили рассказать об этом Ангеле. Даэ отвечал, что все великие музыканты, все великие артисты хотя бы раз в жизни встречались с Ангелом Музыки. Иногда он склоняется над их колыбелькой, как это случилось с маленькой Лоттой, и тогда появляются вундеркинды, которые в шесть лет играют на скрипке лучше, чем пятидесятилетние музыканты, что, согласитесь, совершенно удивительно. Иногда Ангел Музыки приходит гораздо позже, потому что дети непослушны и не хотят учиться и повторять гаммы. А бывает, что Ангел не приходит вовсе, потому что сердце человека нечисто и совесть неспокойна. Ангела никто никогда не видит, но избранные души слышат его. Происходит это чаще всего в такие моменты, когда люди меньше всего этого ожидают, когда они пребывают в печали и отчаянии. И вот тогда в ушах начинает звучать неземная музыка, слышится божественный голос, и они запоминают его на всю свою жизнь. Тех, кого посетил Ангел, будто коснулся огонь небесный. Они испытывают трепет, который неведом прочим смертным. Они получают волшебный дар – любой инструмент, к которому они прикасаются, и собственный их голос рождает звуки, способные пристыдить своей красотой все земные звуки. А люди не знают, что этих счастливцев посетил Ангел Музыки, и называют их гениальными.

Маленькая Кристина однажды спросила отца, слышал ли он Ангела. Отец грустно покачал головой, потом взглянул на дочь, и глаза его заблестели. Тогда он сказал:

– А ты, дитя мое, однажды его услышишь! Когда я буду в небесах, я пошлю его к тебе, обещаю!

К тому времени папашу Даэ начал одолевать кашель.

Наступила осень и разлучила Рауля и Кристину.

Увиделись они только три года спустя, в пору своей юности. Это произошло опять в Перросе, и эта встреча произвела на Рауля такое впечатление, что он сохранил воспоминание о ней на всю жизнь. Профессор Валериус уже умер, но его матушка Валериус осталась во Франции вместе с Даэ и его дочерью, которые продолжали петь и играть на скрипке, вовлекая свою милую покровительницу в прекрасные грезы, и, казалось, она тоже жила теперь только музыкой. Юноша совершенно случайно заехал в Перрос и неосознанно направился в дом, где когда-то жила его подружка. Навстречу ему поднялся старый Даэ и со слезами на глазах поцеловал его, говоря, что они часто о нем вспоминали. Действительно, не проходило и дня, чтобы Кристина не упомянула о Рауле. Старик еще продолжал говорить, когда открылась дверь и в комнату поспешно вошла очаровательная девушка, держа в руках поднос, на котором стояли чашки с дымящимся чаем. Кристина узнала Рауля, поставила поднос, и ее прелестное лицо залилось краской смущения. Она нерешительно молчала, а отец смотрел на них. Потом Рауль приблизился и поцеловал ее в щеку. Она не отстранилась. Потом она задала ему несколько вопросов, исполнив таким образом свои обязанности хозяйки, затем снова взяла поднос и вышла из комнаты. Она убежала в пустынный сад и присела на скамейку. Ее девичье сердце первый раз тревожили незнакомые прежде чувства. Рауль присоединился к ней, и они беседовали до вечера, так и не преодолев разделявшую их неловкость. Они оба изменились и как будто даже не узнавали друг друга. Оба были осторожны, как дипломаты, и рассказывали друг другу вещи, не имевшие никакого отношения к новому чувству, которое рождалось в их сердцах. Когда они прощались, на обочине, Рауль прижал ее дрожащую руку к губам и тихо сказал: «Я никогда вас не забуду, мадемуазель». И пошел прочь, сожалея о своих необдуманных словах, потому что Кристина Даэ не может стать женой виконта де Шаньи.

А Кристина вернулась к отцу и сказала: «Ты не находишь, что Рауль не такой любезный, как прежде? Я его больше не люблю». С того дня она старалась не думать о нем, но это было нелегко; она с головой погрузилась в свое искусство, которое отнимало у нее все время. Ее успехи были просто поразительны: те, кто слышал ее, предсказывали, что она станет лучшей певицей в мире. Тем временем ее отец умер, и как-то вдруг вместе с отцом она будто потеряла голос, душу и дар. У нее осталось достаточно и того и другого, чтобы поступить в Консерваторию, но не более. Она ничем не выделялась, училась без воодушевления и получила приз на конкурсе, чтобы сделать приятное старой матушке Валериус, с которой она по-прежнему жила. Когда Рауль впервые увидел Кристину в Опере, он был очарован красотой девушки, и сладкие воспоминания нахлынули на него, однако пение ее чем-то его оттолкнуло, чему он весьма удивился. Казалось, она была равнодушна ко всему. Он снова приходил слушать ее, следовал за ней за кулисами, поджидал за колосником. Он пытался привлечь ее внимание. Не один раз сопровождал ее до самого порога гримерной, но она не замечала его. Она, казалось, вообще никого не замечала. Рауль страдал от такого безразличия, потому что она была красива, а он робок и даже самому себе не смел признаться, что влюблен. Затем как гром среди ясного неба в тот торжественный вечер: разверзлись небеса и ангельский голос сошел на землю, покорила всех и полностью завладел его сердцем...

А потом – потом был мужской голос за дверью: «Нужно полюбить меня!» – и пустая артистическая...

Почему она засмеялась, когда он сказал ей, едва она открыла после обморока глаза: «Я тот мальчик, который выловил ваш шарф в море». Почему она не узнала его? И почему же тогда написала записку?

Ах! Какой томительно долгий путь... Вот перекресток трех дорог... Вот пустынная песчаная равнина, обледенелые вересковые заросли, застывший пейзаж под белесым небом. Позванивают стекла, и этот звон в ушах кажется оглушительным... Как медленно движется этот громыхающий дилижанс! Он узнал хжины, изгороди, склоны и деревья у дороги... Вот последний поворот, здесь дилижанс скатится с горы, и будет море... и большая бухта Перрос...

Итак, она сошла у постоялого двора «Заходящее солнце». Так ведь другого-то здесь нет, а этот совсем недурен. Рауль вспомнил, сколько прекрасных сказок им здесь рассказывали! Как бьется сердце! Что она скажет, увидев его?

Первой, войдя в старый закопченный зал постоялого двора, он встречает мамашу Трикар. Она узнает его, говорит, что он прекрасно выглядит, спрашивает, что его привело сюда. Он краснеет и отвечает, что направляется по делам в Лондон и заехал только, чтобы повидать ее. Старушка хочет подать ему обед, но он говорит: «Не сейчас». Кажется, что он ждет чего-то или кого-то. Открывается дверь, он вскакивает на ноги. Он не ошибся: это она! Он хочет заговорить и не может. Кристина стоит перед ним улыбающаяся, ничуть не удивленная. У нее свежее, розовое лицо, будто земляника, выросшая в тени. Несомненно, девушка запыхалась от быстрой ходьбы, и грудь ее, в которой билось чистое девичье сердце, слегка вздымается. Ее глаза – светло-лазурные зеркала цвета неподвижных мечтательных озер, обращенных к северу, спокойное отражение ее чистой воды. Под распахнутым меховым пальто угадываются гибкая талия и изящные линии юного грациозного тела. Рауль и Кристина долго смотрят в глаза друг другу. Мамаша Трикар улыбается и незаметно выходит. Наконец Кристина начинает:

– Вы приехали, и меня это несколько не удивляет. У меня было предчувствие, что я встречу вас в этом доме, когда вернусь с мессы. *Кто-то* подсказал мне это там, в церкви. Да, меня известили о вашем приезде.

– Кто же? – спрашивает Рауль и берет в свои руки маленькую руку девушки, которую она не отнимает.

– Ну как же, мой бедный покойный папа.

Воцаряется молчание. Потом Рауль снова заговаривает с ней:

– Отец говорил вам, Кристина, что я люблю вас и не могу без вас жить?

Кристина краснеет до корней волос и отворачивается.

– Меня? Вы сошли с ума, мой друг, – говорит она дрожащим голосом. И смеется, как говорится, для приличия.

– Не смейтесь, Кристина, это очень серьезно.

– Не для того я заставила вас приехать сюда, – важно возражает она, – чтобы вы говорили подобные вещи.

– Да, вы заставили меня приехать, Кристина: вы знали, что ваше письмо не оставит меня равнодушным и я примчусь в Перрос. Но как же вы могли знать это и не знать, что я вас люблю?

– Я думала, что вы вспомните о наших детских играх, к которым так часто присоединялся мой отец. В сущности, я сама не знаю, о чем думала... возможно, я ошиблась, написав вам... Ваше внезапное появление в моей гримерной в тот вечер перенесло меня далеко-далеко в прошлое. И когда я вам писала, я писала как та маленькая девочка из прошлого, которой очень захотелось увидеть в минуту грусти и одиночества друга детства.

Снова наступает молчание. Что-то в поведении Кристины кажется ему неестественным, но он не может понять, что именно. Однако враждебности он не чувствует, скорее наоборот... Есть какая-то печальная нежность в ее глазах. Но почему в этой нежности столько печали?... Наверное, нужно узнать, но все это уже начинает сердить молодого человека.

– Вы впервые заметили меня, Кристина, когда я пришел в вашу гримерную?

Она не умеет лгать и отвечает:

– Нет. Я не раз видела вас в ложе вашего брата. И еще на сцене, за кулисами.

– Я догадывался, – говорит Рауль, кусая губы. – Но почему же, когда вы увидели меня в своей гримерной, у ваших ног, и вспомнили, что я – тот самый мальчик, который достал ваш шарф из моря, почему вы сделали вид, будто незнакомы со мной, и засмеялись?

Все эти вопросы заданы таким суровым тоном, что Кристина с удивлением смотрит на него и не отвечает. Юноша сам поражен этой внезапной ссорой, которая произошла именно в тот момент, когда он поклялся себе, что Кристина услышит от него лишь нежные слова любви и покорности. Муж или любовник, имеющий все права, не стал бы говорить иначе с оскорбившей его женой или любовницей. Он сердится из-за того, что не прав, из-за своей глупости, и единственным выходом из этого нелепого положения ему кажется отчаянное решение быть грубым до конца.

– Вы молчите! – снова заговорил он, разозленный и несчастный. – Ну ладно, я сам отвечу за вас! Дело в том, что в комнате был кто-то, кто стеснял вас, Кристина, перед кем вы не хотели показать, что можете интересоваться кем-то, кроме него!..

– Если это и было так, мой друг, – ледяным тоном прерывает его Кристина, – если кто-то и стеснял меня в тот вечер, так только вы сами, поскольку именно вас я и выставила за дверь.

– Да! Чтобы остаться с другим!

– О чем вы? – прерывисто дыша, спрашивает девушка. – О каком другом вы говорите?

– О том, кому вы сказали: «Я пою только для вас! Сегодня я отдала вам всю душу, и теперь я мертва!»

Кристина хватая руку Рауля и сжимает ее с силой, какую он и не подозревал в этой хрупкой девушке.

– Вы что же, подслушивали под дверью?

– Да, потому что люблю вас... Я все слышал.

– Что вы слышали? – Девушка неожиданно успокаивается и отпускает руку Рауля.

– Он сказал вам: «Нужно полюбить меня!»

При этих словах мертвенная бледность заливает лицо Кристины, глаза ее закрываются... Она покачнулась, Рауль спешит к ней, чтобы подхватить, но Кристина уже приходит в себя и тихим, почти умирающим голосом просит:

– Скажите! Скажите все, что вы еще слышали!

Рауль озадаченно смотрит на нее, ничего не понимая.

– Говорите же! Не мучайте меня!

– Еще я слышал, как он вам ответил, когда вы сказали, что отдали ему душу: «Твоя душа прекрасна, дитя мое, и я благодарю тебя. Ни один король не получал такого подарка. Этим вечером ангелы плакали».

Кристина прижимает руку к сердцу и пристально смотрит на Рауля в неопишемом волнении. Ее взгляд столь пронзителен, столь неподвижен, что кажется бессмысленным. Рауль пришел в ужас. Но вот глаза ее увлажняются, и по матовым щекам соскальзывают две жемчужины, две тяжелые слезы...

– Кристина!

– Рауль!

Юноша хочет обнять ее, но она выскальзывает из его рук и в смятении убегает.

Пока Кристина затворилась в своей комнате, Рауль жестоко упрекал себя за грубость, но, с другой стороны, в его венах вновь закипала ревность. Если девушка так разволновалась, узнав, что ее тайна раскрыта, значит, это было для нее очень важно. Конечно, несмотря на то что он слышал, Рауль ни на минуту не усомнился в чистоте Кристины. Он знал ее безупречную репутацию, он был уже не ребенок и понимал, что артисткам порой приходится выслушивать признания в любви. Разумеется, она ответила, что отдала всю свою душу, но, очевидно,

речь шла лишь о пении и о музыке. Очевидно? Тогда откуда такое волнение? Боже мой, как несчастен был Рауль! Если бы он тогда задержал этого мужчину, вернее, *мужской голос*, он уж потребовал бы объяснений.

Почему убежала Кристина? И почему она все не спускается?

От обеда он отказался. Он был ужасно огорчен и страдал оттого, что часы, на которые он возлагал столько сладостных надежд, проходят в одиночестве, вдали от юной шведки. Отчего она не захотела прогуляться с ним по местам, с которыми у них было связано столько общих воспоминаний? И почему она не возвращается в Париж, ведь в Перросе делать ей больше нечего (а она, впрочем, здесь ничего и не делала)? Он узнал, что утром она заказала мессу за упокой души Даэ и долго молилась в маленькой церкви и на могиле деревенского скрипача.

Опечаленный, снедаемый отчаянием, Рауль отправился на кладбище, примыкавшее к церкви. Войдя в калитку, он в одиночестве принялся бродить среди могил, рассеянно читая надписи на плитах. Зайдя за апсиду, он сразу же обнаружил могилу старого Даэ по ослепительно ярким цветам, печально лежавшим на гранитной могильной плите, свешивая головки до белой земли. Они наполняли своим ароматом этот заледенелый уголок бретонской зимы. Это были изумительные красные розы, которые, казалось, распустились среди снега только сегодня утром. Это была частица жизни в стране мертвых, ведь смерть здесь была повсюду. Смерть просачивалась из земли, казалось исторгавшей из себя останки, которые уже не могли вместиться. У стены церкви сотнями были навалены скелеты и черепа, которые сдерживались просто провололочной сеткой, нисколько не скрывавшей это мрачное сооружение. Казалось, что черепа, уложенные, как кирпичи, укрепленные через определенные интервалы ослепительно белыми костями, образуют фундамент, на котором построены стены ризницы. Дверь ее открывалась в самой середине этой груды костей, какие часто встречаются вдоль старых бретонских церквей.

Рауль помолился за Даэ, потом, все еще находясь под тяжелым впечатлением вечных улыбок черепов, покинул кладбище, поднялся на холм и присел на краю песчаной равнины, которая возвышалась над морем. Злой ветер гулял по песчаному берегу, покушаясь на робкие отблески дневного света, который наконец уступил, стал исчезать, и скоро от него оставалась только узкая бледная полоска на горизонте. Тогда ветер стих. Наступил вечер. Холодная тень легла на Рауля, но холода он не чувствовал. Его мысли бесцельно бродили по пустынным песчаным дюнам и были полны воспоминаниями. Вон туда, когда опускались сумерки, они с Кристиной часто приходили смотреть, как танцуют феи, а в небе поднималась луна. По правде говоря, он никогда не видел никаких фей, хотя имел хорошее зрение. Кристина же, с ее легкой близорукостью, утверждала, что видит их целое множество. Он улыбнулся при этой мысли, потом неожиданно вздрогнул. Рядом с ним, неизвестно откуда, бесшумно появилась тень с вполне четкими очертаниями, которая сказала:

– Вы думаете, что феи придут сегодня вечером?

Это была Кристина. Он хотел заговорить, но она прикрыла ему рот рукой в перчатке:

– Послушайте меня, Рауль, я решила вам сказать что-то важное, очень важное.

Голос ее дрожал. Рауль ждал. Наконец она снова заговорила, казалось, будто ее что-то угнетает:

– Вы помните, Рауль, легенду об Ангеле Музыки?

– Помню ли я! Ведь на этом самом месте ваш отец впервые ее нам рассказал.

– И здесь же он сказал мне: «Когда я буду на небесах, дитя мое, я пришлю его к тебе».

Так вот, Рауль, мой отец на небесах и этот Ангел посетил меня.

– Я не сомневаюсь, – вскинулся юноша, так как ему показалось, что его подруга смешала воспоминание о своем отце со своим недавним триумфом.

Кристина слегка удивилась хладнокровию, с которым виконт де Шаньи воспринял известие о том, что ее посетил Ангел Музыки.

– Откуда вам это известно? – спросила она, склонив свое бледное лицо так близко к Раулю, что он мог подумать, что Кристина собралась поцеловать его, но она лишь хотела, несмотря на сумерки, заглянуть ему в глаза.

– Я думаю, что ни одно человеческое существо не может петь так, как пели вы в тот вечер, если только ему не помогает чудо или само Небо. На земле нет профессора, который мог бы научить этому. Вы слышали Ангела Музыки, Кристина.

– Да, – торжественно заявила она. – *В моей гримерной*. Там он дает мне ежедневные уроки.

При этом голос ее был настолько проникновенным и странным, что Рауль посмотрел на нее озабоченно, как смотрят на человека, который говорит невероятную глупость или убеждает в каком-то безумном видении, в которое он верит каждой извилиной своего больного мозга. Но она тут же отстранилась, теперь она была просто неподвижной тенью в ночи.

– В вашей гримерной? – едва ли задумавшись, как эхо повторил он.

– Да, там я услышала его, и не я одна...

– Кто же еще его слышал, Кристина?

– Вы, мой друг.

– Я? Слышал Ангела Музыки?

– Да. Это его голос вы слышали в тот вечер, когда стояли за дверью моей гримерной. Это он сказал мне: «Нужно полюбить меня». Но мне казалось, что только я слышу его голос. Поэтому представьте мое удивление, когда сегодня утром я узнала, что и вы тоже можете его слышать...

Рауль расхохотался. И тотчас над пустынной равниной сквозь ночь пробились первые лучи лунного света и осветили молодых людей. Кристина неприязненно повернулась к Раулю, ее глаза, обычно такие нежные, метали молнии.

– Почему вы смеетесь? Может быть, вам послышался мужской голос?

– А как же! – воскликнул юноша, у которого начали путаться мысли.

– И это вы, Рауль! Это вы говорите мне такие вещи! Друг моего детства! Друг моего отца! Я не узнаю вас. Что вы себе воображаете? Я честная девушка, господин виконт де Шаньи, и не запираюсь с мужскими голосами в своей гримерной. Если бы вы открыли дверь, вы бы увидели, что там никого и не было.

– Это правда! Когда вы вышли, я открыл дверь и никого не обнаружил...

– Вот видите! И что вы теперь скажете?

Виконт призвал на помощь все свое мужество:

– Тогда, Кристина, мне кажется, что вас разыгрывают.

Она вскрикнула и убежала. Он поспешил за ней, но она в гневе бросила лишь яростное:

– Оставьте меня! Оставьте!

Она скрылась, и Рауль вернулся на постоянный двор усталый, преисполненный отчаяния и очень грустный.

Он узнал, что Кристина только что поднялась к себе и объявила, что не спустится к ужину. Юноша спросил:

– Не заболела ли она?

Хозяйка уклончиво отвечала, что если девушка и больна, то не очень серьезно, и, так как она думала, что влюбленные поссорились, удалилась, пожимая плечами и жалея про себя молодых людей, которые растрачивают на пустые ссоры драгоценные часы, дарованные им Господом Богом на этой земле. Рауль поужинал один возле очага; и можете себе представить, что настроение у него было довольно мрачное. Потом в своей комнате он пробовал читать, затем лег в постель и попытался уснуть. Ни одного звука не доносилось из соседнего номера. Что делала Кристина? Спала ли она? А если не спала, о чем она думала? И о чем думал он? Вряд ли он мог бы сказать это. Станный разговор с Кристиной привел его в волнение. Он

думал не столько о ней, сколько о том, что творилось *вокруг* нее, и это «*вокруг*» было настолько неясным, туманным и неуловимым, что он испытывал странное и мучительное чувство.

Часы тянулись медленно; было, должно быть, уже одиннадцать часов, когда он отчетливо услышал шаги в соседней комнате. Это были легкие, осторожные шаги. Неужели Кристина до сих пор не легла? Не задумываясь о своих действиях, юноша поспешно, стараясь не шуметь, оделся и стал ждать, готовый на все. Готов на что? Он и сам не знал. Его сердце едва не выпрыгнуло из груди, когда он услышал, как медленно повернулась на петлях дверь Кристины. Куда направилась она в столь поздний час, когда весь Перрос спит? Он тихо приоткрыл дверь и в лунном свете разглядел белую фигуру Кристины, осторожно скользнувшую по коридору. Она подошла к лестнице, спустилась, а он перегнулся через перила. Вдруг он услышал внизу два голоса, которые торопливо переговаривались друг с другом, но уловил только одну фразу: «Не потеряйте ключ». Это был голос хозяйки. Потом открылась и снова закрылась дверь со стороны берега. И все снова стихло. Рауль быстро вернулся в свою комнату и открыл окно. На пустынном пирсе виднелась белая фигура Кристины.

Второй этаж постоялого двора «Заходящее солнце» находился невысоко, и благодаря дереву, протянувшему ему свои ветви, Рауль смог спуститься так, что хозяйка и не заподозрила его отсутствия. Каково же было удивление этой славной женщины, когда на следующее утро в дом принесли почти обмороженного юношу, который был ни жив ни мертв, и когда она узнала, что его нашли лежавшим навзничь на ступенях алтаря церквушки Перроса. Хозяйка поспешила сообщить эту новость Кристине; та быстро спустилась и вместе с хозяином постоялого двора оказала помощь молодому человеку, который не замедлил открыть глаза, а вскоре и вовсе пришел в себя, когда перед его взором предстало прелестное лицо его подруги.

Но что же произошло? Несколько недель спустя, когда драмой в Опере занялась прокуратура, господин комиссар Мифруа беседовал с виконтом де Шаньи по поводу событий той ночи в Перросе, вот изложение их беседы в следственном досье (материал № 150):

Вопрос. Мадемуазель Даэ не видела, что вы спустились из своей комнаты таким странным способом?

Ответ. Нет, сударь, и еще раз нет. Однако я следовал за ней, даже не стремясь приглушить свои шаги. Я молил только об одном: чтобы она обернулась, заметила меня и узнала. Я как раз думал о том, что вел себя недостойно, выслеживая ее. Но она, по-моему, вообще меня не слышала и действовала так, будто меня там не было. Она спокойно сошла с пирса, потом неожиданно направилась вверх по холму. Церковные часы пробили без четверти двенадцать, и мне показалось, что эти звуки подстегнули ее, так как она почти побежала. И вот она достигла ворот кладбища.

Вопрос. Ворота кладбища были открыты?

Ответ. Да, сударь, и это меня озадачило, но, кажется, совсем не удивило мадемуазель Даэ.

Вопрос. На кладбище никого не было?

Ответ. Я никого не заметил. Я бы обратил внимание, если бы кто-нибудь там был. Лунный свет был просто ослепительным, а снег отражал его, и ночь казалась еще светлее.

Вопрос. Никто не мог прятаться за надгробиями?

Ответ. Нет, сударь. Это очень бедные надгробные плиты, почти исчезнувшие под слоем снега, виднелись только кресты. Тени отбрасывали только вот эти кресты да мы сами. А церковь ярко сияла. Я никогда раньше не видел ночью такого света. Было очень красиво, очень прозрачно и очень холодно. Я никогда еще не был на кладбище ночью и не знал, что там может быть такой свет – какой-то невесомый.

Вопрос. Вы суеверны?

Ответ. Нет, сударь, я верующий.

Вопрос. В каком вы были состоянии духа?

Ответ. Честное слово, я был совершенно здоров и совершенно спокоен, хотя, признаться, необычное поведение мадемуазель Даэ сначала меня взволновало, но, как только я увидел, что она вошла на кладбище, я решил, что она просто хочет исполнить какой-то обет на отцовской могиле, и нашел это настолько естественным, что тотчас же снова успокоился. Я только удивился, что не было слышно моих шагов, хотя снег сильно скрипел под ногами. Но она, очевидно, была поглощена благочестивыми мыслями. Поэтому я решил не беспокоить ее, и, когда она подошла к могиле отца, я остановился в нескольких шагах. Она опустилась на колени прямо в снег, перекрестилась и начала молиться. В этот момент пробило полночь. Двенадцатый удар еще звенел у меня в ушах, как вдруг она подняла голову, устремила взгляд в небесный свод и простерла руки к звездам; мне показалось, что она в экстазе, и я все еще задумывался о том, что его вызвало, когда вдруг сам поднял голову и растерянно огляделся. Тогда все мое существо будто устремилось к Невидимому, *и тут из этого невидимого пространства полилась музыка.* И какая музыка! Она нам была уже знакома! Мы с Кристиной уже слышали ее в юности. Но никогда на скрипке старого Даэ ее не исполняли с таким божественным совершенством. В эти минуты мне вдруг пришло на память то, что Кристина рассказывала об Ангеле Музыки, и я уже не знал, что и думать об этих незабываемых звуках, так как если они не сошли с небес, то на земле они родиться точно не могли. Здесь нет такого инструмента и такой руки, которая могла бы водить по нему смычком. О, я помнил эту чудную мелодию! Это было „Воскрешение Лазаря“, которое старый Даэ играл нам в минуты печали и вдохновения. Если и существует ангел Кристины, он не смог бы сыграть лучше в ту ночь на скрипке покойного музыканта. Мы словно услышали глас Христа, и клянусь, я ждал, что вот-вот приподнимется надгробный камень на могиле отца Кристины. Потом я подумал, что Даэ похоронили вместе с его скрипкой, и честное слово, я до сих пор не знаю, что из происшедшего в ту страшную и сияющую ночь на крохотном провинциальном кладбище, рядом с черепами, которые скалились на нас своими неподвижными улыбками, было вызвано моим воображением, а что случилось на самом деле.

Но музыка прекратилась, я пришел в себя, и мне показалось, что из кучи костей доносится какой-то шум.

Вопрос. Ага! Значит, вы слышали шум в груде костей?

Ответ. Да, мне показалось, что черепа смеются, и я невольно вздрогнул.

Вопрос. Вы не подумали, что за этой грудой мог спрятаться тот небесный музыкант, что так вас очаровал?

Ответ. Именно об этом я и подумал, господин комиссар, и даже упустил мадемуазель Даэ, которая тем временем поднялась и спокойно направилась к выходу с кладбища. Она была так поглощена своими мыслями, что совершенно неудивительно, что она даже не заметила меня. А я не шевелился и не спускал глаз с груды костей, решив пойти до конца этого невероятного приключения и узнать его разгадку.

Вопрос. А что было до того, как вас нашли утром едва живым на ступеньках алтаря?

Ответ. Все развернулось очень быстро... К моим ногам скатился череп, за ним второй... третий... Как будто я стал целью загробной игры в шары. Мне показалось, будто чье-то неосторожное движение разрушило пирамиду из костей, за которой скрывался таинственный музыкант. Тут мое предположение подтвердилось, так как я заметил тень, скользнувшую по сверкающей стене ризницы.

Я бросился туда. Тень толкнула дверь и проскользнула в церковь. Я последовал за ней. Тень была в пальто! В темноте мне удалось за него ухватиться. В этот момент мы с тенью были прямо перед алтарем, и лунный свет через большой витраж апсиды падал прямо на нас. Так как я все не отпускал пальто, тень оглянулась, пальто, в которое она закуталась, распахнулось, и я увидел, господин следователь, – вот как вижу сейчас вас, – я увидел жуткий череп, который смотрел на меня глазами, горящими адским огнем. Мне показалось, что передо мной сам

Сатана, и при виде этого порождения загробного мира мое сердце не выдержало, несмотря на все мое мужество. Я больше ничего не помню до того момента, когда я оказался в своей комнате на постоялом дворе».

VII. Посещение ложи

Мы расстались с господами Фирменом Ришаром и Арманом Моншарменом в тот момент, когда они решили нанести краткий визит в ложу № 5 первого яруса.

Они миновали широкую лестницу, ведущую из директорской приемной к сцене и ее помещениям; прошли через сцену, через вход для лож, потом, войдя в зал, повернули в первый проход налево. Остановившись между первыми рядами партера, они посмотрели оттуда на ложу № 5 первого яруса. Они плохо ее видели, так как там царил полумрак, а на красный бархат барьера были наброшены огромные чехлы.

В эту минуту они были совсем одни в громадном сумрачном здании, и их окружала глубокая тишина. Как раз наступил тот час, когда рабочие сцены уходят выпить.

Смена моментально исчезла со сцены, оставив наполовину установленную декорацию; редкие лучи света – мертвенно-бледного и мрачного, казавшегося отблеском умирающей звезды, – проникали неизвестно откуда и падали на старую башню, чьи зубчатые стены, возведенные из картона, вздымались посреди сцены, все вещи в полумраке этой искусственной ночи или, скорее, этого обманчивого дня приобретали странные формы. Полотно, наброшенное на кресла оркестра, напоминало вздыбившееся море, чьи сине-зеленые волны неожиданно застыли по мановению руки повелителя бурь, которого, как всем известно, зовут Адаматор. Господа Моншармен и Ришар казались двумя матросами, потерпевшими кораблекрушение в этом неподвижном море из крашеного полотна. Они продвигались к левым ложам, как моряки, которые покинули свой корабль и пытаются добраться до берега. В сумраке возвышались восемь больших полированных колонн, которые казались волшебными столбами, подпирающими угрожающе наклонившуюся, готовую рухнуть скалу, основанием которой служили круговые параллельные линии, образованные ложами первого, второго и третьего ярусов. Сверху, с самой вершины скалы, затерянной в медно-желтом небе господина Ленепве, вниз смотрели некие лица, которые гримасничали и ухмылялись, издеваясь над беспокойством Моншармена и Ришара. Впрочем, в обычное время это были серьезные лица. Они звались: Изиды, Амфитрита, Геба, Флора, Пандора, Психея, Фетида, Помона, Дафна, Клития, Галатея, Аретуза. Да, сама Аретуза и Пандора, печально известная своим злополучным ящиком, взирали на новых директоров Оперы, которые в конце концов ухватились за какой-то обломок судна и оттуда молча уставились на ложу № 5 первого яруса. Как я уже говорил, они были обеспокоены. По крайней мере, я это предполагаю. Во всяком случае, Моншармен признается, что он был весьма впечатлен. Вот что он пишет: «Этот бред (какой стиль!) насчет Призрака Оперы, которым нас потчевали с самого первого дня, когда мы заменили господ Полинья и Дебьена, в конце концов, без сомнения, повлиял на мое воображение и, если уж на то пошло, на зрение тоже, потому что – возможно, виной тому были декорации, среди которых мы, взволнованные, продвигались в тишине, или мы стали жертвами галлюцинации из-за полной темноты – я увидел в ложе № 5 силуэт. Ришар, как, впрочем, и я, ничего не сказал, но мы одновременно взяли друг друга за руки. Так мы прождали несколько минут, не двигаясь, устремив глаза в одну точку, но силуэт исчез. Тогда мы вышли и уже в коридоре обменялись впечатлениями и поговорили о *силуэте*. Однако впечатления наши не совпадали. Я увидел что-то вроде черепа, лежавшего на барьере, а Ришар заметил силуэт женщины, похожей на мамашу Жири. Поэтому мы решили, что наше воображение сыграло с нами шутку и, не сговариваясь, с хохотом побежали в ложу № 5. Вошли в нее и никакого силуэта там не увидели».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.